

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Газиз Абишев, Елена Нечаева	Онлайн петиции как фрейм делиберативной демократии в современном Казахстане 7
--------------------------------	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Айлуна Утегенова	Теоретические подходы к анализу статуса Казахстана как «средней державы». 24
Лаура Демесинова, Гаухар Абдрахманова	Особенности внешней миграции молодежи Казахстана в контексте молодежных миграционных потоков в Центральной Азии. 38
Диляра Рахматулина, Лаура Исова, Алина Самай	Исторический аспект понятийного контента «Экологическая миграция» в международных документах. 54

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Сауле Искендинова, Макпал Шалабаева, Динара Жуламанова	Управление талантами: развитие цифровых компетенций государственных служащих в Акмолинской области 70
Талгат Касенов	Национальные фонды как инструмент развития: основные теоретические подходы. 77

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор литературы по Центральной Азии за 2023 год. Часть I 88
----------------	---

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное
свидетельство №644.

ISSN 1562-6318 (print)
ISSN 2415-8216 (online)

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение
редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения
авторов статей.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Ғазиз Әбішев,
Елена Нечаева

Онлайн петициялар қазіргі Қазақстандағы
делиберативті демократияның фреймі ретінде 7

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Айлуна Өтегенова

Қазақстанның «орташа держава» мәртебесінің
талдауға қатысты теориялық тәсілдер 24

Лаура Демесінова,
Гаухар Әбдірахманова

Орталық Азиядағы жастар көші-қоны ағындары
контекстіндегі Қазақстан жастарының сыртқы
көші-қонының ерекшеліктері 38

Диляра Рахматулина,
Лаура Исова,
Алина Самай

Халықаралық құжаттардағы «Экологиялық
көші-қон» ұғымдық мазмұнының тарихи аспектісі 54

АКТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Сәуле Искендірова,
Мақпал Шалабаева,
Динара Жоламанова

Таланттарды басқару: Ақмола облысында
мемлекеттік қызметкерлердің цифрлық
құзыреттерін дамыту 70

Талғат Қасенов

Ұлттық қорлар даму құралы ретінде:
негізгі теориялық тәсілдер 77

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин

Орта Азия бойынша 2023 жылға арналған
әдебиеттерге шолу. I бөлім. 88

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте
1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644.

ISSN 1562-8318 (print)
ISSN 2415-8216 (online)

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Gaziz Abishev,
Elena Nechayeva** Online petitions as a frame of deliberative
democracy in modern Kazakhstan 7

POLITICS AND SOCIETY

- Ailuna Utegenova** The theoretical approaches to the analysis
of the status of Kazakhstan as a «Middle Power» 24
- Laura Demessinova,
Gauhar Abdrakhmanova** Features of external migration of Kazakhstan's
youth in the context of youth migration flows
in Central Asia. 38
- Dilara Rakhmatulina,
Laura Isova,
Alina Samay** The historical aspect of the concept «Environmental
migration» in international documents 54

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Saule Iskendirova,
Makpal Shalabayeva,
Dinara Zhulamanova** Talent Management: The Development of Digital
Competencies of Civil Servants in Akmola Region 70
- Talgat Kasenov** National funds as a development tool:
main theoretical approaches 77

REVIEW

- Murat Laumulin** Review of foreign literature on
Central Asia 2023: Part I. 88

Quarterly since October 1994

Editorial Chief **Assel Aben**,
chief executive of the KazISS under the
President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Azikulov

Editorial Board: Akmal Bakova

Layout: Pavel Romashko

Address: 4 Beibishilik st., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.

ISSN 1562-6318 (print)

ISSN 2415-8216 (online)

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике
Айжан Молдагалиева	– редактор, старший эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

Еркін Тұқымов	–	Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
Рахман Алшанов	–	«Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	–	«Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	–	Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	–	ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	–	«Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Мартин Брусис	–	әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	–	Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	–	РГА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Әсел Әбен	–	бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
Айжан Молдағалиева	–	редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы

Editorial Board

Yerkin Tukumov	–	Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
Rakhman Alshanov	–	President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
Gulmira Ileuova	–	Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
Gulnar Nasimova	–	Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	–	Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	–	Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
Martin Brusis	–	Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	–	Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	–	Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
Assel Aben	–	Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics
Aizhan Moldagaliyeva	–	Editor, senior expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

МРНТИ:
11.25.40

ОНЛАЙН ПЕТИЦИИ КАК ФРЕЙМ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Газиз Абишев¹,
Елена Нечаева²

¹ докторант кафедры политологии ЕНУ имени Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан)

e-mail: gazizabishev@gmail.com

² кандидат политических наук, профессор кафедры политологии ЕНУ имени Л.Н.Гумилева (Астана, Казахстан)

e-mail: nechaeva_el@enu.kz

doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.01

Аннотация. В рамках завершения политического транзита и построения Второй Республики в Казахстане под руководством президента Касым-Жомарта Токаева разворачиваются поступательные политические реформы, ведущим трендом которых выступает развитие делиберативной демократии, заключающейся в принятии политических решений посредством содержательной общественной дискуссии с детальным рассмотрением всех значимых аргументов. Делиберативная демократическая концепция предполагает своего рода некий компромисс между мажоритарной и консенсусной моделями демократии, когда политические решения принимаются на основе общественной дискуссии, в которой имеют право принять участие все заинтересованные стороны. Главные критерии дискуссии – открытость, аргументированность, рационализм и релевантность. В статье содержится анализ процессов формирования и развития таких инструментов развития делиберативной демократии как электронные петиции, проблем и перспектив цифрового политического участия в современном Казахстане.

Ключевые слова: делиберативная демократия, Казахстан, цифровое политическое участие, онлайн-петиции, слактивизм, цифровая демократия.

ОНЛАЙН ПЕТИЦИЈАЛАР ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДЕЛИБЕРАТИВТІ ДЕМОКРАТИЯНЫҢ ФРЕЙМІ РЕТІНДЕ

Ғазиз Әбішев¹, Елена Нечаева²

¹ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, саясаттану кафедрасының докторанты, e-mail: gazizabishev@gmail.com

² Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының кандидаты, e-mail: nechaeva_el@enu.kz

Аңдатпа. Саяси транзитті аяқтау және Қазақстанда екінші республиканы құру шеңберінде Президент Қасым-Жомарт Тоқаевтың басшылығымен барлық маңызды дәлелдерді егжей-тегжейлі қарастыра отырып, мағыналы қоғамдық пікірталас арқылы саяси шешімдер қабылдаудан тұратын делиберативті демократияны дамыту жетекші үрдісі болып табылатын үдемелі саяси реформалар өрбіді. Делиберативті демократиялық тұжырымдама демократияның көпшілік және консенсус модельдері арасында қандай да бір мәмілеге келуді көздейді, мұнда саяси шешімдер барлық мүдделі тараптар қатысуға құқылы қоғамдық пікірталас негізінде қабылданады. Пікірталастың негізгі критерийлері - ашықтық, аргументалдылық, рационализм және өзектілік. Мақалада электронды петициялар сияқты делиберативті демократияны дамыту құралдарын қалыптастыру және дамыту процестерін, қазіргі Қазақстанға цифрлық саяси қатысудың мәселелері мен перспективаларын талдау қамтылған.

Түйінді сөздер: *делиберативті демократия, Қазақстан, цифрлық саяси қатысу, онлайн-петициялар, слактивизм, цифрлық демократия.*

ONLINE PETITIONS AS A FRAME OF DELIBERATIVE DEMOCRACY IN MODERN KAZAKHSTAN

Gaziz Abishev¹, Elena Nechaeva²

¹ Doctoral student of the Department of Political Science of the L.N.Gumilev ENU, e-mail: gazizabishev@gmail.com

² Professor of the Department of Political Science, Candidate of Political Sciences, L.N.Gumilev ENU, e-mail: nechaeva_el@enu.kz

Annotation. As part of the completion of political transit and the construction of the Second Republic in Kazakhstan, progressive political reforms are unfolding under the leadership of President Kassym-Jomart Tokayev, the leading trend of which is the development of deliberative democracy, which consists in

making political decisions through meaningful public discussion with a detailed consideration of all significant arguments. The deliberative democratic concept presupposes a kind of compromise between the majority and consensus models of democracy, when political decisions are made on the basis of public discussion, in which all interested parties have the right to participate. The main criteria of the discussion are openness, reasonableness, rationalism and relevance. The article contains an analysis of the processes of formation and development of such tools for the development of deliberative democracy as electronic petitions, problems and prospects of digital political participation in modern Kazakhstan.

Keywords: *deliberative democracy, Kazakhstan, digital political participation, online petitions, activism, digital democracy.*

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий, их растущее воздействие на все сферы жизнедеятельности общества становятся значимым фактором современного политического процесса. Формируются новые формы политической коммуникации между государством и людьми, властью и гражданским обществом. Происходит конвергенция двух односторонних инструментов – государственной медийной пропаганды (телевидение, радио, газеты) и попыток гражданского общества достучаться до властей (митинги, круглые столы, письма).

Фактически, государство и общество получают возможность взаимодействовать посредством инфокоммуникационных технологий не только в узко-регламентированных, ограниченных по времени и объёму передаваемой информации форматах, но в различных, дополняющих друг друга динамичных форматах, предполагающих диалог с презентацией релевантных аргументов, в котором с одной стороны выступает государственная система со всеми государственными интересами, бюрократическими нормами и балансом политических сил, а с другой стороны – гражданское общество как совокупность отдельных граждан, общественных организаций и социальных групп.

Политическая система, при которой власть, имея в своих руках все государственные рычаги управления, тем не менее, принимает решения, находясь в постоянной коммуникации с гражданским обществом, принимая в расчет предлагаемые им аргументы и пути решения, называется **делиберативной демократией**. Достижения в сфере информационных технологий, наблюдаемые в мире в последние полтора десятилетия, значительно расширяют возможности для применения модели делиберативной демократии как в развитых демократиях, так и в странах, переживающих демократический транзит.

Американский исследователь Лоуренс Гроссман, который одним из

первых занимался изучением роли Интернета в политике, еще в 1996 году писал, что Интернет способен «включить» общество в процесс принятия решений. В своей книге «Electronic Republic: Reshaping American Democracy for the Information Age» он приводит осторожное, но в конечном счете оптимистичное обоснование потенциала электронных ресурсов для преобразования демократического правительства [1].

Исследование различных аспектов развития электронной или цифровой демократии началось относительно недавно, тем не менее во франко- и англоязычном исследовательском дискурсе имеется ряд работ по проблемам онлайн-петиций, что позволяет их рассматривать в предметном поле прикладной политологии и политической коммуникативистики в контексте цифрового политического участия.

В существующей научной литературе оценка возможностей влияния онлайн петиций на развитие демократических институтов и процедур неоднозначная и даже амбивалентная. Сторонники поддержки различного рода цифровых инструментов развития демократии рассматривают онлайн-петиции как одну из наиболее адекватных и операциональных форм политического участия.

Правительства разных стран, стремясь увеличить возможности использования информационных технологий в своей деятельности, в качестве преимуществ электронной демократии называют следующие факторы:

- скорость информационного потока, отсутствие временных и географических границ, мобильность, снижение ресурсных затрат, расширение доступа граждан к информации и практикам политического участия;
- новые практики солидаризации (выполняющие, в том числе, воспитательные функции);
- прозрачность новых практик электронного политического участия; увеличение эффективности обратной связи власти с гражданами;
- представление гражданами собственных интересов на разных уровнях без посредников за счет расширения «демократии непосредственного участия»;
- расширение ассоциативной, прямой демократии; возможность нового, более мягкого менеджмента конфликтных ситуаций [2].

В действующих парламентских демократиях онлайн-петиции стимулируют респонсивность политических элит на массовый запрос электората. К примеру, по данным Розенберга [3], понимая потенциал популярных петиций, австрийские политики внимательно отслеживают петиционные площадки, стараясь при этом выстраивать более крепкие отношения с гражданским обществом, вовлеченным в запуск и продвижение политических онлайн-петиций.

Вместе с тем, есть и другие данные. В 2015 году британский Парламент внедрил новую систему электронных петиций, нацеленную на укрепление связи с общественностью, вовлечение ее в политическое обсуждение.

Однако, по данным проекта Молли [4], публика по-разному реагирует на разные форматы обсуждения электронных петиций в Парламенте. Остается приверженной фактам и общей теме дискуссии, реагируя на формализованные аргументированные ответы на запущенные петиции. И становится более эмоциональной, критичной и поляризованной, обсуждая парламентские дебаты по теме петиции. Другими словами, на делиберативную эффективность петиций оказывает влияние не только постановка вопроса в петициях, но и формы реакции, предпочитаемые адресатами петиций.

Представители более критического отношения к онлайн-петициям считают их неравноценной заменой живому участию, отмечая, что тотальная цифровизация политической жизни влечет за собой ряд рисков и проблем электронной демократии, создающих, в том числе угрозу самой демократии. Анализ критики электронной демократии позволяет выделить наиболее часто упоминаемые факторы: цифровое неравенство, распространение практик политического участия с минимальным/ без принятия ответственности за решения (феномен кликтивизма/ слактивизма / диванного активизма); отвлечение от активных действий в реальности, концентрация неудовольствия в Сети; усиление виртуальности как социального состояния; определенная селективность онлайн участия Интернет-пользователей (предпочтение необычного, яркого, скандального, игнорирование серьезного) и т.п. [5].

Также важно отметить, что возможности электронной демократии в значительной мере определяются технологическим уровнем развития общества, обеспечивающим необходимый уровень защиты персональных данных, надежную степень идентификации и аутентификации граждан и т.д.

Тем не менее ряд исследований доказывают, что онлайн-петиции, обладающие обусловленной юридической силой, оказывают позитивное влияние на транспарентность государственных процессов, повышая уровень вовлеченности общества в политический процесс [6].

В рамках данной статьи исследовательский фокус сосредоточен на такой форме электронного политического участия, как подача онлайн-петиций. Электронные петиции как форма взаимодействия государства и граждан с целью повлиять на принятие политических решений стали достаточно распространенными в последние годы. На основе специализированных порталов граждане создают коллективное обращение к органам власти относительно решения тех или иных проблем. Важно, что для такого вида политического участия барьеры довольно низкие: петицию может создать любой гражданин. Именно поэтому онлайн-петиции являются одним из наиболее перспективных технологий политической коммуникации и политического участия граждан, выступая в качестве фрейма делиберативной демократии в современном Казахстане.

Методология исследования

Основу методологии исследования составляет контент-анализ и дискурсный анализ онлайн площадок, на которых размещались электронные петиции казахстанских граждан в 2021-2022 годах. Для изучения основных тенденций развития онлайн-петиций в современном мире и определения роли электронных петиций как формы политического участия применялись также сравнительный и структурно-функциональный анализ, позволяющие оценить перспективы развития цифровых инструментов обратной связи между властью и обществом.

Результаты исследования и их обсуждение

Растущее влияние информационных технологий – очевидный тренд для казахстанского информационного пространства. По данным АСПиР, уже в 2020 году уровень проникновения интернета для граждан старше 6 лет составил 85,9% [7]. В условиях роста политизации населения публичная дискуссия неизбежна. Если раньше информация по наиболее значимым вопросам достигала лишь части населения, и чаще всего – в выхолощенной форме на страницах и в эфирах национальных СМИ, то теперь она быстро доставляется на все мобильные устройства в каждой семье. В такой ситуации возникает необходимость направлять импульс публичного запроса на обсуждение в формализованные и неформализованные делиберативные каналы. В случае, если общественная инфраструктура с соответствующими ценностями, принципами и правилами сформирована не будет, возникает серьёзная угроза хаотичного процесса, перманентно порождающая всё новые волны взаимного непонимания и конфликтов.

Один из учёных, активно разрабатывающих современную теорию делиберативной демократии, Юрген Хабермас называет ее «демократией дискурса». По его словам, политическая делиберация, как и любые другие формы коммуникации, должна предполагать ряд изначальных установок:

- во-первых, процесс политической делиберации должен быть открыт для всех имеющих отношение граждан, при этом граждане имеют полное право ставить под сомнение тезисы других, и конструктивно воспринимать сомнения в собственных тезисах со стороны других участников;

- во-вторых, все участники политической делиберации равны между собой, любое имеющееся различие в социальных и служебных статусах теряет актуальность в момент начала политической делиберации (отдельный вопрос – различие в квалификации по непосредственной теме обсуждения – к примеру, соотношение доктора медицинских наук и филолога при обсуждении вопросов общественного здравоохранения. Однако этот вопрос должен обсуждаться заранее, разрыв в компетенциях может быть принят к сведению публикой);

- в-третьих, добровольное участие. Мотивация всех участников должна быть открыта для всех. Либо человек представляет только себя, либо

какую-либо организацию по собственному желанию, однако подобное делегирование должно быть общеизвестным и чётко артикулированным [8].

Практическая реализация концепции делиберативной демократии предполагает создание новых средств взаимодействия государства и общества, как институционализированных, так и неинституционализированных.

Институционализированная делиберация подразумевает формирование конкретной площадки с чётко регламентированными правилами организации обсуждения. К ней относятся различные общественные советы и прочие консультативно-совещательные органы, публичные дискуссионные площадки, общественные петиции, виртуальные площадки для дискуссий.

Неинституционализированная делиберация заключается в свободном обсуждении политической повестки членами общества. Участниками делиберации тут выступают политические государственные служащие (сотрудники профильных ведомств, депутаты различных уровней), политические партии, неправительственные организации, бизнес-сообщества, профсоюзы, исследовательские институты, «мозговые центры», культурные и религиозные организации, отдельные физические лица. Площадками для публичной делиберации выступают средства массовой информации, социальные сети, экспертные собрания, круглые столы, «таунхоллы» - открытые встречи с местными общинами, специальные публичные дебаты, митинги.

Модель делиберативной демократии предполагает, что при возникновении какой-либо проблемы и необходимости принятия соответствующих политических решений, власть или общество формулируют проблему и иницируют её многостороннее обсуждение, обмениваясь серией информационных сигналов. Фактически некий набор возможных решений подвергается распределённому по всему гражданскому обществу анализу на последовательное соответствие критериям «актуальность-необходимость-эффективность-осуществимость», в результате чего для каждого варианта формируется кейс с набором аргументом «за/против/альтернатива».

После этого те, кому законодательством отведены полномочия по принятию решения, будь то государственные чиновники или электорат в целом, могут принимать решения с учётом обсуждённых аргументов или без их учёта. При этом аргументы принимающих участие в обсуждении сторон не будут восприниматься обществом в качестве обоснованных, если кто-то, у кого есть что сказать по теме, будет исключён из обсуждения, а те, кто выдвигает аргументы, не будут относиться к убеждаемым как к равным.

С учетом всех этих факторов задачей данного исследования стал анализ потенциала влияния онлайн петиций, как формы неинституционализированной публичной делиберации на политические реформы, проводимые в 2022 году в Казахстане. Другими словами, проведен анализ того,

насколько власть прислушалась к аргументам гражданского общества при выработке новой политической модели.

Реакции на петиции

В Казахстане существует ряд специализированных петиционных площадок. В их числе - сайт «Өтініш» (проект Центра прикладных исследований «Talar»), сайт «Bir Kirpish» (проект ОО «Қадір-қасиет»), площадка «Avaaz.org», площадка «Change.org».

По данным «Яндекс.Метрика», наиболее популярным ресурсом по сбору петиций на данный момент является сайт «Alash online» (бывший Egov Press). В период с 25 июля по 8 ноября 2022 года сайт «Alash online» посетили более 539,7 тыс. пользователей.

По состоянию на 1 января 2023 года на сайте размещено 118 петиций. Вот как выглядит список десяти наиболее популярных петиций на сайте «Alash online» (табл. 1)

Таблица 1. Популярные петиции на сайте «Alash online»

№	Название	Дата	Количество подписей	Ссылки
1.	«Петиция! Требуем снижения пенсионного возраста женщин до 55-58 лет!»	30 октября 2021 г.	«за» - 860501 подписей, «против» - 3 963	https://alash.online/942-pensiya.html
2.	«Петиция! Требуем вернуть прежнее название столицы Казахстана - Астана!»	11 января 2022 г.	«за» - 229 060 подписей, «против» - 37	https://alash.online/1148-astana.html
3.	«Петиция! Ұйғыр ауданының атауы Шарын немесе Қарадала ауданы деп өзгертілсін!»	11 апреля 2022 г.	«за» - 218 058 подписей, «против» - 8 028	https://alash.online/1367-sharyn.html
4.	«Петиция! Требуем полностью отменить утильсбор в Казахстане!»	31 октября 2021 г.	«за» - 209 469 подписей, «против» - 26	https://alash.online/943-utillsbor.html
5.	«Петиция! Требуем продлить детское пособие по уходу за ребенком до трех лет!»	18 января 2022 г.	«за» - 125 534 подписей, «против» - 19	https://alash.online/1156-posobie.html
6.	«Петиция в поддержку реформы «Artsport Qazaqstan»	26 июня 2022 г.	«за» - 55 944 подписей, «против» - 319	https://alash.online/1423-artsport.html
7.	«Петиция о присвоении Международному Аэропорту Алматы имя Динмухамеда Кунаева»	24 марта 2022 г.	«за» - 56675 подписей; «против» - 778	https://alash.online/1328-aeroporto-konayeva.html

8.	«Петиция о депортации Посла Украины Петра Врублевского из Республики Казахстан»	22 августа 2022 г.	«за» - 42 787 подписи, «против» - 8 527	https://alash.online/1456-deport.html
9.	«Петиция! От имени всех бухгалтеров и предпринимателей Казахстана просим отменить СНТ и модуль ВС!»	7 февраля 2022 г.	«за» - 33248 подписи; «против» - 60	https://alash.online/1238-snt-i-modul-vs.html
10.	«Қазақстандағы ЛГБТ пропагандасына қарсы петиция»	25 июня 2022 г.	«за» - 35 181 подписей, «против» - 4 803	https://alash.online/1424-lgbt.html

Источник: <https://alash.online/>

Рассмотрим как власть в целом в 2022 году реагировала на наиболее популярные петиции на самом популярном сайте для публичных петиций по широкому спектру предложений.

1. Касательно петиции о снижении пенсионного возраста для женщин до 55-58 лет, запущенной в октябре 2021 года, и набравшей 860 тыс. подписей «За». Отметим, что тема активно обсуждается в казахстанском обществе. В социальных сетях существует несколько сообществ, посвящённых снижению пенсионного возраста для женщин. В июне 2022 года депутат Сената Дана Нуржигит обратилась с запросом к премьер-министру, предложив снизить пенсионный возраст до 58 лет [9].

В Послании народу 1 сентября 2022 года президент Токаев выдвинул инициативу о том, что «учитывая высокий социальный запрос, планка пенсионного возраста для женщин будет до 2028 года зафиксирована на уровне 61 года». [10]

Фактически инициатива частично удовлетворена. Объяснить это можно снижением копящегося по теме напряжения с одновременным поиском альтернативных путей решения проблемы.

2. Петиция о возвращении столице Казахстана названия «Астана», запущенная 11 января 2022 года, и набравшая 229 тыс. подписей «За». В сентябре 2022 года с соответствующей инициативой выступила депутатская группа «Жаңа Қазақстан» в Мажилисе. 15 сентября 2022 года это предложение поддержал городской маслихат, 16 сентября депутаты Парламента на совместном заседании Палат проголосовали за эту норму, 17 сентября её подписал президент, она вступила в силу.

Инициатива удовлетворена полностью. Более того, в том же законодательном пакете были внесены поправки в закон о праздниках. В соответствии с ними, День Первого Президента – 1 декабря – был лишён статуса государственного праздника и переведён в категорию «профессиональных и иных праздников».

3. Петиция о переименовании Уйгурского района Алматинской области,

запущенная 11 апреля 2022 года, и набравшая 218 тыс. подписей. Истоки петиции лежат в череде периодически возникающих бытовых конфликтов, рассматриваемых рядом радикальных комментаторов как межэтнические [11]. По некоторым данным, этнические уйгуры составляют порядка 57% населения Уйгурского района. Петиция пока осталась без удовлетворения.

4. Петиция о полной отмене утилизационного сбора, запущенная 31 октября 2021 года, и набравшая 209 тыс. подписей. Отметим, что в отношении утилизационного сбора в последние годы развернулась широкая общественная кампания. Целый ряд организаций, экспертов и общественных деятелей публично требовали полной отмены утилизационного сбора.

11 января 2022 года президент Токаев, комментируя ситуацию, отметил: «У предпринимателей и в целом в обществе множество вопросов вызывает деятельность компании, которая называется «Оператор РОП». Дошло до того, что было организовано некое общественное движение против этой частной компании. Я поручаю правительству принять меры по прекращению утилизационного сбора и распоряжению утилизационным сбором «Оператором РОП». Этим должна заниматься государственная организация, как положено в зарубежных странах» [12].

В Послании 1 сентября 2022 года, комментируя ситуацию с ввозимыми из-за рубежа автомобилями, он добавил: «Для их легализации предлагаю применить в разовом порядке единый сбор за утилизацию и первичную регистрацию в размере, не превышающем 200-250 тысяч тенге» [10].

В октябре соответствующие законы были одобрены Парламентом. Таким образом, петиция по большей части удовлетворена.

5. Петиция о продлении детского пособия по уходу за ребёнком до трёх лет, запущенная 18 января 2022 года и набравшая 125 тыс. подписей. В своём Послании 1 сентября 2022 года президент Токаев заявил: «Мы увеличим период выплат по уходу за ребенком до полутора лет уже с 1 января 2023 года» [10].

Таким образом, петиция удовлетворена частично.

6. Петиция в поддержку реформы программы ArtSport, запущенная 26 июня 2022 года и набравшая 55 тыс. подписей. Проблема привлекла особое внимание среди родительских слоёв в городах. Народная партия Казахстана сделала эту программу одним из своих тематических приоритетов, проводя круглые столы, эфиры и митинги [13].

14 июля 2022 года на расширенном заседании правительства президент Токаев поручил пересмотреть подходы. «В конечном счёте единственный путь развития – это сфера знаний. От этого точно никто не проиграет. Правительство и акимы должны совместно с общественностью совершенствовать программу Art Sport», - подчеркнул он [14].

Таким образом, проблема, поднятая в петиции, находится в стадии отработки ответственными государственными органами.

7. Петиция о присвоении Международному Аэропорту Алматы имя Дин-

мухамеда Кунаева, запущенная 24 марта 2022 года, и набравшая 52 тыс. подписей, пока осталась без удовлетворения.

8. Петиция о депортации Посла Украины Петра Врублевского в связи с его неоднозначными высказываниями, запущенная 22 августа 2022 года и набравшая 42 тыс. подписей. Необходимо отметить, что помимо петиции о депортации Врублевского, появились соответствующие петиции и против его высылки.

По данным МИД РК Посол Врублевский был признан нежелательной персоной. По согласованию с украинской стороной, он был добровольно отозван из Казахстана, перестав быть послом Украины в РК.

Таким образом, петиции формально осталась без удовлетворения, однако, на деле, требуемое действие было совершено.

9. Петиция об отмене сопроводительных накладных на товары (СНТ), запущенная 7 февраля 2022 года и набравшая 32 тыс. подписей, осталась без удовлетворения.

10. Петиция о «борьбе с пропагандой ЛГБТ в РК», запущенная 25 июня 2022 года и набравшая 35 тыс. подписей, осталась без удовлетворения.

В результате, проведенный анализ показал, что в 2022 году, в период завершения политического транзита и перестройки политической системы, власть полностью удовлетворила 1, частично – 5 петиций из 10 наиболее популярных на самом популярном сайте петиций в Казахстане.

Результаты исследований и их обсуждение

Делиберативная демократия становится все более актуальной для казахстанской политической системы в результате сложения сразу нескольких факторов.

Одна крайность в форме консенсусной демократии, при которой власть максимально распределяется по большому числу взаимно уравнивающих и взаимно блокирующих институтов, и задача политической системы заключается в принятии решений, вызывающих протест минимального числа политических акторов – в Казахстане попросту не актуальна. Как отмечает Липхарт, консенсусные демократии присущи расколотым обществам вроде Канады первой половины 19 века, Нидерландов в 1917 году, Швейцарии в 1943 году, Южной Африки в 1992 году [15].

Другая крайность в виде продолжения реализации жёсткой формализованной мажоритарной концепции, при которой власть находится в руках опирающейся на электоральное большинство политической элиты, реализующей любые политические реформы в рамках своего мандата без оглядки как на долгосрочные интересы меньшинства, так и тактический запрос большинства – так же стремительно теряет актуальность. В обществе накопилась усталость от тридцатилетнего безраздельного доминирования одной политической силы. Свидетельством тому служат как в целом рост протестов в Казахстане - 38 в 2018 году, 234 в 2019 году, 508 в ковидном

2020 и свыше 2 тыс. в 2021 году [16], так и непосредственно январские события 2022 года (одним из лейтмотивов мирных выступлений, предшествовавших массовым беспорядкам в Алматы, были призывы к проведению политических реформ и ликвидации монополии на власть).

Вместе с тем необходимо учитывать геополитическую обстановку, в которой находится Казахстан. Страна граничит с двумя крупными ядерными державами – Россией и Китаем, ведущими активную внешнюю политику, а также сами являющимися целями для геополитического давления со стороны коллективного Запада. Сам Казахстан, при этом, обладает одной из самых низких плотностей населения – 20 млн человек на 2,7 млн кв. км. В таких условиях для Казахстана в течение неопределённого периода времени более предпочтительной может оказаться политическая система с доминирующим, концентрирующим в своих руках силовые и дипломатические полномочия, институтом президентства.

Таким образом, делиберативная демократия представляется одним из оптимальных вариантов развития на нынешнем этапе политической эволюции Казахстана. Мажоритарная по институциональной архитектуре, политическая система будет пронизана «капиллярами» делиберативных механизмов, обеспечивающих качественную общественную дискуссию и эффективную перманентную коммуникацию государства и гражданского общества.

Политический диалог будет строиться по нескольким каналам: через Национальный Курултай, общественные советы разных уровней, делиберативные опросы общественного мнения, обсуждения в социальных сетях и различного рода петиции.

Несмотря на популярность социальных сетей, а также наличие в них инструментов для голосования, петиционные площадки будут сохранять свою актуальность в качестве механизма делиберативной демократии. Дело в том, что социальные сети обладают рядом недостатков, мешающих им стать полноценной площадкой делиберации. К ним можно отнести следующие:

- голосование и другие формы выражения своего мнения внутри социальных сетей зависят от: а) распределения популярности социальных сетей по различным демографическим группам, б) алгоритмов выдачи новости в ленте социальной сети в зависимости от интересов пользователей;
- уязвимость социальных сетей перед систематизированными ботофермами. Специализированные организации без труда могут «накручивать» голоса «за» или «против» внутри социальных сетей, а также оказывать «троллинговое» давление на ветки обсуждений с целью воздействия на интенсивность и качество выражения своего мнения. Немаловажным фактором является то, что, воздействие на повестку внутри социальных сетей могут оказывать не только внутренние политические группы, но и иностранные государства [17].

В свою очередь, петиционные площадки специализируются на создании именно петиций, в том числе – политических. Они развивают механизмы всё более адекватной авторизации пользователей, отсеивая ботов. При этом ссылку на одну и ту же петицию можно рассылать сразу по всем социальным сетям и мессенджерам.

Существует целый ряд международных примеров, когда правительства применяют механизмы онлайн-петиций для улучшения коммуникации с гражданским обществом и повышения качества публичной делиберации. К их числу можно отнести Петиции на сайте Белого Дома, Петиции в Британский Парламент и другие.

Казахстанские власти получают информацию об основных идеях, циркулирующих в обществе, сразу по нескольким каналам. В их числе: аналитические исследования, проводимые государственными аналитическими организациями, опросы общественного мнения, проводимые социологическими организациями по государственному заказу, экспертные круглые столы, специализированные медиа-анализы, а также доклады профильных государственных органов. Однако, все эти каналы являются закрытыми. Петиции, между тем, можно считать публичным каналом коммуникации между властью и обществом.

В своём Послании народу 1 сентября 2020 года президент Токаев акцентировал внимание на необходимости развития института онлайн-петиций. «Полагаю возможным наделить маслихаты функцией сбора подписей и составления петиций по развитию региона или местным проблемам, которые не находят своего решения порой десятилетиями», - предложил он. Вообще, по мнению президента, «надо создать единый легитимный институт онлайн-петиций для инициирования гражданами реформ и предложений. Такой механизм должен быть полностью защищен от каких-либо манипуляций» [18].

Инициатива президента воплощается в жизнь. В декабре 2022 года министр информации и общественного развития РК Дархан Кадырали представил в Мажилисе поправки в законодательство по вопросам общественного контроля, предполагающие юридическое закрепление института онлайн-петиций [19].

Согласно проекту, для того чтобы петиция была рассмотрена соответствующим государственным органом, она должна отвечать целому ряду требований. Во-первых, в первые 20 дней после публикации к ней должны присоединиться не менее 150 граждан Казахстана. Во-вторых, петиция будет рассматриваться при преодолении следующих пороговых значений:

- акиматами районов: не менее 5% от численности населения района, но не более 2,5 тыс. голосов;
- маслихатами районов: не менее 10% от численности населения района, но не более 5 тыс. голосов;
- акиматами областей: не менее 1% от численности населения региона;

- маслихатами областей: не менее 2% от численности населения региона;

- правительство: не менее 50 тыс. голосов [20].

Предлагаемый проект для ряда специалистов может выглядеть чересчур забюрократизированным [21]. Однако, он ни в коем случае не исключает существования альтернативных петиционных площадок. Даже если правительство определяет государственный портал петиций как основную петиционную площадку, оно не сможет не реагировать на популярные петиции, попадающие в тренд на альтернативных площадках.

Заключение

На нынешнем этапе политической эволюции Казахстана механизмы делиберативной демократии обретают новый политический импульс. Онлайн-петиции становятся одним из актуальных механизмов публичной делиберации. Исследование показало, что делиберативный общественный запрос получает реакцию со стороны государства - власти конструктивно реагируют на публичный делиберативный запрос, отражаемый в популярных онлайн-петициях.

Важно отметить, что публичные онлайн-петиции обладают набором качеств, определяющих их делиберативность:

- конкуренция петиций. По одной и той же теме может быть запущено сразу несколько петиций. Большую популярность получит та, в которой вопрос будет сформулирован в наиболее простой, понятной и оптимальной форме. А также те, что получают наибольшую поддержку в деле распространения ссылки на популярных информационных площадках.

- наличие набирающей популярность петиции – само по себе является приглашением к публичной делиберации. Петиция с большим числом голосов «за» или «против» требует от государственных чиновников, общественных деятелей, экспертного сообщества вступления в дискуссию с предоставлением всех релевантных и значимых аргументов.

Онлайн-петиции кристаллизуют общественный диалог, вынося на поверхность наиболее значимые дискуссии, позволяя политическим элитам обратить внимание на эти дискуссии, погрузиться в темы, проработать различные варианты и дать обоснованный ответ.

В ближайшие годы вполне возможно формирование официально встроенных в систему государственного управления петиционных площадок, которые станут реальными инструментами применения делиберативной демократии в Казахстане.

Статья подготовлена в рамках Программы по поддержке молодых экспертов «Образы будущего Казахстана» - 2022 Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

Список литературы

1. Electronic Republic: Reshaping American Democracy for the Information Age by Lawrence Grossman 1996, p.167
2. Ребрина Л.Н. Онлайн-петиции как форма протестной коммуникации в условиях электронной демократии // МНКО. 2018. №3 (70). <https://alash.online/https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-petitsii-kak-forma-protestnoy-kommunikatsii-v-usloviyah-elektronnoy-demokratii> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Sieglind Rosenberger, Benedikt Seisl, Jeremias Stadlmair, Elio Dalpra: «What Are Petitions Good for? Institutional Design and Democratic Functions» / *Parliamentary Affairs*, Volume 75, Issue 1, January 2022, Pages 217–237
4. Molly Asher, Cristina Leŝton Bandeira, Viktoria: Assessing the effectiveness of e-petitioning through Twitter conversations / *Leeds Institute for Data Analytics*, Research project, 2017
5. Postmes T. Collective Action in the Age of the Internet Mass Communication and Online Mobilization. *Social Science Computer Review*. 2002; Vol. 20, No. 3: 290 - 301.
6. Алуа Жолдыбалина, Слямжар Ахметбеков, Эрмек Байсалов. «Онлайн петиции как институт гражданского активизма. Международный опыт» // *Коғам және дәуір*, №4 (76) 2022
7. Интернетизация в Казахстане и мире: охват по регионам и 5G // *Kazinform* URL: https://www.inform.kz/ru/internetizaciya-v-kazahstane-i-mire-ohvat-po-regionam-i-5g_a3900562
8. Запрос депутата Сената Парламента РК Даны Нуржигит. Электронный ресурс: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/dep-requests/details/2565>
9. «Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана», 1 сентября 2022 // Электронный ресурс: <https://akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>
10. «Уйгурский район просят переименовать», информационное агентство Информбюро, 2020 // Электронный ресурс: <https://informburo.kz/novosti/uygurskiy-rayon-prosyat-pereimenovat-akimat-ne-svyazyvaet-eto-s-konfliktom-mestnyh-zhiteley-107749.html>
11. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на заседании Мажилиса Парламента РК, 10 января 2022 // Электронный ресурс: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414>
12. «На круглом столе обсуждали реформу ArtSport» // Электронный ресурс: <https://bala-ombudsman.kz/na-kruglom-stole-obsuzhdali-reformu-artsport/>
13. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на расширенном заседании правительства, 14 июля 2022 года / Электронный ресурс: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-pravitelstva-1463854>
14. Arend Lijphart (1997): Consensus and Consensus Democracy Cultural, Structural, Functional, and Rational-Choice // *Scandinavian Political Studies*, Vol. 21 - No. 2, 1998 ISSN 0080-6757 © Scandinavian University Press/ Электронный ресурс: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32924/31297
15. Международный счётчик протестов в Центральной Азии // Электронный ресурс: <https://oxussociety.org/viz/protest-tracker/>
16. «Пентагон манипулировал гражданами Казахстана и других стран ЦА?», портал Inbusiness, 2022 // Электронный ресурс: <https://inbusiness.kz/ru/news/pentagon-manipuliroval-grazhdanami-kazahstana-i-drugih-stran-ca>
17. «Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана», 2020 // Электронный ресурс: https://akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g
18. «Официальный сайт петиций создадут в Казахстане», информационное агентство Информбюро, 2022 // Электронный ресурс: <https://informburo.kz/novosti/officialnyi-sait-dlya-podaci-peticii-sozdatut-v-kazahstane-kakie-voprosy-v-nix-nelzya-podnimat>
19. «Онлайн-петиции узаконят в Казахстане», информационное агентство Улыс

Медиа, 2022// Электронный ресурс: <https://ulysmedia.kz/news/16136-onlain-petit-sii-ofitsialno-uzakoniati-v-kazakhstane/>

20. «В Казахстане разработали правила подачи онлайн-петиций», информационное издание КурсивЪ, 2022// Электронный ресурс: <https://kz.kursiv.media/2022-12-07/kazakhstancy-smogut-zakonno-podavat-peticii-cherez-onlajn-platformu/>

References

1. Electronic Republic: Reshaping American Democracy for the Information Age by Lawrence Grossman 1996, p.167.
2. Rebrina L.N. Online petitions as a form of protest communication in the conditions of e-democracy // MNCO. 2018. No. 3 (70). <https://alash.online/https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-petitsii-kak-forma-protestnoy-kommunikatsii-v-usloviyah-elektronnoy-demokratii> (date of access: 11/21/2022).
3. Sieglinde Rosenberger, Benedikt Seisl, Jeremias Stadlmaier, Elio Dalpra: "What Are Petitions Good for? Institutional Design and Democratic Functions" / Parliamentary Affairs, Volume 75, Issue 1, January 2022, Pages 217–237
4. Molly Asher, Cristina Leston Bandeira, Viktoria: Assessing the effectiveness of e-petitioning through Twitter conversations / Leeds Institute for Data Analytics, Research project, 2017
5. Postmes T. Collective Action in the Age of the Internet Mass Communication and Online Mobilization. Social Science Computer Review. 2002; Vol. 20, no. 3:290 - 301.
6. Alua Zholdybalina, Slyamzhar Akhmetbekov, Ermek Baisalov. "Online petitions as an institution of civic activism. International experience" // Kogam zhane dauir, No. 4 (76) 2022
7. Internetization in Kazakhstan and the world: regional coverage and 5G // Kazinform URL: https://www.inform.kz/ru/internetizaciya-v-kazakhstane-i-mire-ohvat-po-regionam-i-5g_a3900562
8. Request of the deputy of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan Dana Nurzhigit. Electronic resource: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/dep-requests/details/2565>
9. "Message of the head of state Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan", September 1, 2022 // Electronic resource: <https://akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-181130>
10. "Uygur district is asked to be renamed", Informburo news agency, 2020 // Electronic resource: <https://informburo.kz/novosti/uygurskiy-rayon-prosyat-pereimenovat-akimat-ne-svyazyvayet-eto-s-konfliktom-mestnyh-zhiteley-107749.html>
11. Speech by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at a meeting of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, January 10, 2022 // Electronic resource: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-republic-kazakhstan-1104414>
12. "The ArtSport reform was discussed at the round table" // Electronic resource: <https://bala-ombudsman.kz/na-kruglom-stole-obsuzhdali-reformu-artsport/>
13. Speech by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at an expanded government meeting, July 14, 2022 / Electronic resource: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-zasedanii-government-1463854>
14. Arend Lijphart (1997): Consensus and Consensus Democracy Cultural, Structural, Functional, and Rational-Choice // Scandinavian Political Studies, Vol. 21 - no. 2, 1998 ISSN 0080-6757 © Scandinavian University Press/ Electronic resource: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32924/31297
15. International counter of protests in Central Asia // Electronic resource: <https://oxusociety.org/viz/protest-tracker/>
16. "Did the Pentagon manipulate the citizens of Kazakhstan and other Central Asian countries?", Inbusiness portal, 2022 // Electronic resource: <https://inbusiness.kz/ru/news/pentagon-manipuliroval-grazhdanami-kazakhstana-i-drugih-stran-ca>
17. "Message of the head of state Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan", 2020 // Electronic resource: https://akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-1-september-2020-g

18. "The official website of petitions will be created in Kazakhstan", Informburo news agency, 2022 // Electronic resource: <https://informburo.kz/novosti/oficialnyi-sait-dlya-podaci-peticii-sozdatut-v-kazaxstane-kakie-voprosy-v-nix-nelzya-podnimat>
19. "Online petitions will be legalized in Kazakhstan", Ulys Media news agency, 2022 // Electronic resource: <https://ulysmedia.kz/news/16136-onlain-petitsii-ofitsialno-uzakoniat-v-kazakhstane/>
20. "Kazakhstan has developed rules for filing online petitions", information publication Kursiv, 2022// Electronic resource: <https://kz.kursiv.media/2022-12-07/kazahstancy-smogut-zakonno-podavat-peticii-cherez-online-platformu/>

МРНТИ
11.15.41

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СТАТУСА КАЗАХСТАНА КАК «СРЕДНЕЙ ДЕРЖАВЫ»

Айлуна Утегенова

Almaty Management University,
политики и права,
кандидат исторических наук (Казахстан)
email: ailuna.utegen@gmail.com

doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.02

Аннотация. В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 гг. Казахстан впервые определяется как среднее региональное государство (в английском варианте Концепции: «a mid-power in the region»). На основе применения основных теоретических подходов к анализу понятия «средняя держава» в исследовании рассматривается, относится ли Казахстан к данной категории стран. Работа состоит из двух частей: в первой рассматриваются теоретические подходы к анализу понятия; во второй каждый подход тестируется в отношении Казахстана. Проанализированы три подхода к определению «средней державы»: по позиции страны, географии и поведению на международной арене. В работе внимание уделено также казахстанской дипломатии в сравнительной перспективе по отношению к модели средней державы. Подходы к анализу «средних держав», примененные к Казахстану в данной работе, позволяют говорить о формировании статуса страны как среднего государства. Применяя «позиционный» и «географический» подходы к Казахстану, можно выступить в пользу того, что страна является потенциальной средней державой. Анализ «поведенческого» подхода и последующее его тестирование в отношении страны позволяют говорить о Казахстане как о среднем региональном государстве.

Ключевые слова: средняя держава, «нишевая» дипломатия, Концепция внешней политики.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ «ОРТАША ДЕРЖАВА» МӘРТЕБЕСІНІҢ
ТАЛДАУҒА ҚАТЫСТЫ ТЕОРИЯЛЫҚ ТӘСІЛДЕР

Айлуна Өтегенова

Almaty Management University, Саясат және Құқық Мектебі, тарих ғалымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан), e-mail: ailuna.utegen@gmail.com

Андатпа. Қазақстан Республикасының сыртқы саясатының 2020-2030 жылдарға арналған тұжырымдамасында Қазақстан алғаш рет орташа өңірлік мемлекет ретінде анықталған. Мақалада «орташа мемлекет» (middle power) ұғымының талдаудың танымал теориялық тәсілдерін қолдану негізінде Қазақстанның осы санаттағы елдерге жататыны қарастырылады. Жұмыс екі бөлімнен тұрады: біріншісінде «орташа мемлекет» түсінігін талдауға қатысты теориялық тәсілдер зерттелінеді; екіншісінде әрбір тәсіл Қазақстанға қатысты қарастырылады. Елдің позициясы, географиясы және халықаралық аренадағы мінез-құлқы бойынша «орташа мемлекет» анықтамасының үш танымал тәсілі зерттелінеді. Сондай-ақ, жұмыста орташа мемлекет моделіне қатысты салыстырмалы түрде Қазақстан дипломатиясына назар аударылады. Қазақстанға қатысты қолданылған «орта державаларды» талдау тәсілдері елдің орташа мемлекет ретіндегі мәртебесінің қалыптасуы туралы айтуға мүмкіндік береді. Қазақстанға қатысты «позициялық» және «географиялық» тәсілдерді қолдана отырып, ел әлеуетті орта держава болып табылады деп айтуға болады. «Мінез-құлық» тәсілін талдауы Қазақстанды орташа өңірлік мемлекет деп тануға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: орташа мемлекет, «нишалық» дипломатия, сыртқы саясат тұжырымдамасы.

THE THEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE STATUS OF KAZAKHSTAN AS A «MIDDLE POWER»

Ailuna Utegenova

Almaty Management University, School of Policy and Law, candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan), email: ailuna.utegen@gmail.com

Annotation. Kazakhstan has been defined for the first time as a mid-power in the region in the Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan for 2020-2030. This article examines whether Kazakhstan is a mid-power by testing it on the basis of the popular theoretical approaches to defining a middle power. Thus, the paper consists of two parts: the main theoretical approaches to defining a middle power are examined in the first part, while in the second paper each approach is applied to Kazakhstan. Three approaches to defining a middle power: by a country's position, geography and behavior are examined in the paper. It also deals with Kazakhstan's diplomacy in a comparative perspective in relation to the model of a middle power. The testing of the approaches to defining a middle power proves the emerging status of Kazakhstan as a middle power. The testing of «positional» and «geographical» approaches to Kazakhstan reveals that the country is a potential middle power. Analysis of the «behavioral» approach and its subsequent testing proves that Kazakhstan can be determined as a middle power.

Keywords: middle power, niche diplomacy, foreign policy concept.

Введение

В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 гг. Казахстан впервые определяется как среднее региональное государство (в английском варианте Концепции: «a mid-power in the region»). Во второй главе документа, где представлены результаты обзора концепций внешних политик (КВП) государств мира, содержится вывод о том, что «с учетом статуса Казахстана как среднего регионального государства, особый интерес представлял анализ КВП зарубежных стран сопоставимой международной категории» [1].

Средние державы занимают уникальное привилегированное положение. С одной стороны, исходя из своей экономической и военной мощи, они не берут на себя глобальную ответственность, как это делают великие державы. С другой стороны, у них достаточно силы и влияния, чтобы иметь возможность проводить внешнюю политику, в которой они могут продвигать не только свои личные интересы, но и интересы более широкого и даже глобального сообщества [2].

На тему концепта «средних держав» написано большое количество литературы, однако, на сегодня среди исследователей не существует единого авторитетного определения. К.Холбраад в 1984 г. писал, что в международном праве отсутствует понятие «средней державы», что, в свою очередь, могло бы служить дальнейшим ориентиром в их определении [3, с.2]. По Холбрааду, к средним державам относятся «государства, которые слабее великих держав в системе, но значительно сильнее малых стран, с которыми они находятся во взаимодействии» [3, с.4].

К наиболее ранним работам, содержащих упоминания о видах государств и, соответственно, имеющих разные роли в международном сообществе, относят труды Томаса Аквинского, Бартоло да Сассоферрато и Джованни Ботеро. Так, в 1589 г. в работе «Государственное благо» итальянский мыслитель и дипломат Ботеро выделил три категории государств: малые, большие и средние. К средним странам он отнес страны, которые имеют силу и власть, достаточную для сохранения своей безопасности [3, с.11-12].

Современное использование понятия «средняя держава» появилось в период окончания Второй мировой войны, когда Канада и Австралия активизировали свою дипломатическую деятельность, нацеленную на увеличение их роли в послевоенном урегулировании. В период создания ООН делегации Канады и Австралии пытались добиться усиления роли и влияния своих стран в обеспечении международной безопасности. Именно вслед за политиками и дипломатами, пытавшихся закрепить статус своих стран, ученые Канады и Австралии внесли большой вклад в теоретическое осмысление понятия «средней державы».

С начала 1960-гг. в исследованиях международной политики возрастает интерес к изучению понятия «средние державы», что объясняется

изменениями в отношениях между двумя блоками и возможностями для других стран проводить более независимую политику. В течение 1960-х гг. появляются работы исследователей из Канады, Западной Европы и Индии на тему природы и роли средних держав [3, с.67]. Одни исследователи в качестве главной характеристики средних держав выделяли их влияние в международной политике, другие, же, обратились к количественному анализу силы государств, включая демографические и экономические показатели. Исследования того периода стали основой формирования «позиционного», «географического» и «нормативного» подходов к анализу концепта «средние державы».

В основу «позиционного» подхода было заложено определение средней державы по занимаемой позиции в международной иерархической системе, ради чего применялись количественные методы с измерением силы государства (ВВП, население, военные расходы). Под «географическим» подходом понималась оценка геостратегического расположения страны. В рамках «нормативного» подхода, средние державы определялись как страны, отличающиеся большей ответственностью и политическим лидерством. Средние державы рассматривались «как более мудрые, нежели государства, расположенные «выше» них (великие державы) либо государства, расположенные «ниже» их (малые государства)» [4, с.18]. Предполагалось, что средние державы вызывают больше доверия из-за их возможностей оказывать дипломатическое влияние без угрозы применения силы.

Однако каждый из данных подходов содержал существенные недостатки. В рамках позиционного подхода сложности возникали с количественным измерением силы государства. Нормативный подход к определению средних держав вызывал также большие вопросы, так как наделял моральным превосходством ряд стран, не всегда находившим подтверждения в их внешней политике.

В ответ на критику вышеуказанных подходов, группа канадских и австралийских ученых в конце 1980-х - начале 1990-х годов разработала альтернативное определение, в котором основное внимание уделялось тому, как ведут себя средние державы. В рамках «поведенческого подхода» внимание было уделено тому, какое определенное поведение проявляют государства на международной арене. Так, А.Купер, Р.Хигготт и К.Носсал отмечали, что суть дипломатической деятельности средних держав наиболее полно выражается не в ожидании того, что должна делать эта группа государств, а в том, какой тип поведения они проявляют. Авторы определили его как «тип дипломатического поведения, который они проявляют или могут демонстрировать в целом», например, стремление к многосторонним решениям международных проблем, компромисс в международных спорах и «хорошее международное гражданство» [4, с.19]. Это «поведенческое» определение вскоре приобрело популярность для выявления и понимания средней державы.

Таким образом, к началу 1990-х главным вопросом академических споров о средних державах стал вопрос: «что именно определяет страну как среднее государство»? Отличительное внешнеполитическое поведение или ее материальная, экономическая и военная сила?

В 2003 г. Эд.Джордаан сделал попытку сблизить позиционный и поведенческий подходы, дав определение средних держав, как государств «по международной силе, потенциалу и влиянию не великих и не малых, склонных к укреплению сплоченности и стабильности в мировой системе» [5, с.165].

Основываясь на таком определении, Э.Джордаан разделил средние державы на «традиционные» и на «зарождающиеся». Под традиционными средними державами понимались стабильные социальные демократии с устоявшимся экономическим статусом. В отличие от них, зарождающиеся средние державы – это страны с менее стабильной социальной демократией, в большей степени в прошлом авторитарные, с растущим экономическим статусом. В таких странах наблюдается большее социальное расслоение, они менее интегрированы в мировую экономику. Э.Джордаан указывал, что различия между традиционными и зарождающимися средними державами влияют на их внешнеполитическое поведение. Государства вначале достигают мощи средних держав, а затем переходят на стадию такого развития, когда начинают придерживаться внешнеполитического поведения, присущего средним державам [5].

На основе выдвинутой Э.Джордааном концепции разделения средних держав были изданы работы, посвященные эволюции тех или иных стран в качестве средних государств. Дж.Робертсон в своей работе дает анализ развитию Южной Кореи в качестве средней державы, доказывая, что страна, долгое время обладающая всеми необходимыми материальными ресурсами, перешла от стадии зарождающейся средней державы к традиционной [6, с.151-174].

Меньшую популярность по сравнению с позиционным и поведенческим подходами приобрело определение статуса средних держав как намеренно конструируемой политиками «политической категории» [7, с.76] (Andrew Carr, 76). В рамках данного подхода рассматривается самоидентификация страны в качестве «средней державы». Традиция считать себя «средней державой» прочно закрепилась в Канаде и Австралии, в речах их внешнеполитической элиты, однако, надо отметить, что концепции «средней державы» придерживаются левые/либеральные партии этих стран, в то время как правые/консервативные партии видят в ней ограничения в реализации более глобальной внешней политики.

Однако, если основой определения средних держав будут рассматриваться заявления политиков, то и микросоударства могут заявить о своих претензиях на статус «средней державы» [7, с.76]. Конструктивистский подход важен для понимания того, как действуют определенные страны, но

устойчивое определение средних держав требует более стабильной основы, чем самоидентификация политиков [7, с.77].

Все разработанные подходы к определению средней державы силы не дают полного определения «средней державы». Размах академических дебатов на тему средних держав заставил некоторых ученых усомниться в полезности термина и необходимости продолжения дальнейшей дискуссии. Оправданным представляется аргумент Дж.Робертсона, выступающего за прагматизм в анализе концепта «средних держав». Так, прагматический подход не предполагает постановку вопроса «что же такое средняя держава?», вместо этого, поощряет размышления над определением, спрашивая, какие и чьи потребности, интересы и ценности оно обслуживает. Тем самым, прагматический подход ставит вопрос следующим образом: «как мы должны использовать понятие «средняя держава» в данном контексте?». По мнению Дж.Робертсона, одно из возможных определений средней державы может быть: «в контексте глобального управления 2010-х гг., средняя держава – это государство, имеющее возможности (материальные ресурсы, дипломатическое влияние, креативность и др.) и заинтересованное в совместной работе с такими же государствами развивать и укреплять институты управления всеобщего достояния» [8, с.366-367].

Среди казахстанских исследователей поведения страны как средней державы можно отметить работу А.Бахтияровой, представленной в соавторстве с турецким ученым Сейит Али Авджу [9]. Авторы, рассмотрев дипломатическую деятельность Казахстана по урегулированию конфликта в Сирии, создание KazAID, обосновывают статус страны как средней державы и анализируют дальнейшие перспективы отношений с США, КНР и РФ [9, с.59]. Авторы делают вывод, что уровень приверженности Казахстана науке, экономическая готовность к реагированию на все вызовы современности, политическая воля элиты решать важнейшие вопросы вне рамок правительства, а также геополитическая ситуация, основанная на интересах крупных держав, будут определять в будущем статус страны как средней державы [9, с.61].

Анализу влияния статуса Казахстана как средней державы в борьбе с терроризмом посвящена совместная публикация Х.Садри, А.Курмашева, А.Джолдасбековой и Д.Ахмедияновой. Авторы доказывают, что особенности борьбы Казахстана с терроризмом определены во многом его позицией как средней державы [10].

Использование «ядерной дипломатии» в качестве «нишевой» средними державами, включая Казахстан, рассматривается в работе французской исследовательницы Э.Маитре [11]. Автор пытается ответить на вопрос, успешна ли «ядерная дипломатия» Казахстана и способна ли повлиять на глобальную ситуацию. Изучив в качестве кейсов «ядерную дипломатию» Японии, ЮАР и Казахстана, автор приходит к выводу, что их внешнеполитические инициативы отвечают множеству интересов и приносят средней

державе укрепление безопасности, повышение политического статуса, экономической мощи, а также повышает их самооценку [11, с.28].

Большое исследование о роли средних держав в современной дипломатии провели представители Нидерландского института международных отношений. Определив ряд важных критериев средних держав и, разделив их на «устоявшиеся» и «зарождающиеся», авторы выделили несколько десятков стран, подпадающих под категорию «средних держав», в числе которых есть и Казахстан. Исследование представляет важность разработкой критериев «средних держав», масштабом изученных данных и предложенной классификацией соответствующих критериям государств [2].

Появление большого количества государств, претендующих на статус средней державы, заставило современных исследователей переосмыслить подходы к их определению. В последние десятилетия становится ясным, что новые средние государства уже не могут рассматриваться, как страны, способствующие поддержанию установленного мирового порядка, какими, к примеру, являются традиционные средние державы.

Э.Карр выделяет три волны дипломатии средних держав, первая из которых была тесно связана с миротворчеством, посредничеством и реализацией задач в рамках ООН и других формальных институтов. Вторая волна дипломатии средних держав включала в себя масштабные инициативы как кампания по запрету противопехотных мин, создание Международного уголовного суда. Однако, третья волна дипломатии, по мнению Э.Карра, связана с неформальной институционализацией средних государств, выраженной в создании «Группы двадцати - G20» в конце 1990-х годов. При этом автор выделяет из нее группу МІКТА, включающую Мексику, Индонезию, Южную Корею, Турцию и Австралию. Страны МІКТА входят в Группу двадцати, но не входят в «Большую семерку» и БРИКС. Отличительной чертой третьей волны дипломатии новых средних государств, по мнению Э.Карра, является их отношение к великим державам [12, с.520].

Первая волна дипломатии характеризуется тем, что традиционные средние державы в реализации своей дипломатии поддерживали США и через свою посредническую роль легитимизировали существующий глобальный мировой порядок. При второй волне дипломатии новые средние государства уже пытались изменить положение дел, прибегая к различным видам дипломатии, хотя действовали все также в рамках сформировавшихся механизмов. Третья волна дипломатии средних держав характеризуется различным отношением между ними и США. Все страны МІКТА являются ключевыми странами для США с точки зрения их важнейшего геополитического значения [12, с.521].

Тему переосмысления концепта средних держав продолжил Э.Джордаан, в 2017 г. предложив отойти от деления стран на традиционные и зарождающиеся. Вместо этого, автор оставил определение средних держав только за средними странами, активно выступающих за сохранение либераль-

ного гегемонистского порядка [13]. Подобное ограничение оставляет в категории средних держав только традиционные средние страны, как Канада, Австралия, Норвегия, Швеция и ряд новых, имеющих союзнические отношения с США, как, к примеру, Южная Корея.

Методы исследования

В работе рассматриваются основные теоретические подходы к анализу понятия «средняя держава». Дается анализ трем подходам к определению «средней державы»: по позиции страны, географии и поведению на международной арене. Каждый из подходов с учетом их особенностей тестируется в отношении Казахстана. Данная методика, используемая в исследовании «средних держав», позволяет прийти к научно обоснованным результатам.

Результаты исследования и их обсуждение

«Позиционный» подход

В 1960-е годы был сформирован «позиционный» подход к понятию «средняя держава», направленный на определение места государства внутри международной иерархии. Внимание исследователей в рамках данного подхода было сосредоточено на поддающихся количественному измерению факторах, таких как валовой внутренний продукт (ВВП), численность населения, военная численность и расходы на оборону.

В 2018 г. Нидерландским институтом международных отношений Clingendael было проведено исследование роли средних держав в современной дипломатии. Предварительно выделив категорию великих держав из 8 стран, включающую США, Китай, Японию, Россию, Францию, Британию и Индию, авторы исследования, опираясь на данные Всемирного Банка и SIPRI, проанализировали три показателя количественной силы, а именно, данные стран мира по ВВП, населению и расходам на оборону в 2013-2017 гг. [2].

С целью разграничения средних держав от малых, за исключением восьми великих держав, следующие шестьдесят стран в категориях ВВП и военных расходов получили по одному баллу за индикатор. За численность населения любой стране (кроме великих держав) с населением более четырех миллионов был присвоен один балл. В результате, получившие три из трех общих баллов пятьдесят стран, включая Казахстан, попали в список «потенциальных средних держав».

«Позиционный» подход предполагает количественный анализ ресурсов страны в региональном и мировом измерении, чтобы в итоге определить место страны в международной иерархической системе. Сложность данной методики состоит в проведении разграничения между великими, средними и малыми государствами. Выделение великих государств не представляет больших затруднений в силу их малочисленности (у Clingendael - их восемь). Учитывая, что, за исключением великих держав, в мире на-

считывается больше 180 стран, сложность представляет проведение разграничения между средними и малыми странами. В 1970-е, в одном из первых полномасштабных попыток количественного вычисления средних держав, вначале были определены регионы мира, уже в которых в зависимости от подсчета ВВП и населения, были выделены средние государства [3, с.80-91]. Исследование Clingendael, следовательно, является масштабным проектом по изучению большого массива данных по всем странам, и потому, опираясь на его результаты, можно говорить о том, что по «позиционному подходу» Казахстан рассматривается в качестве потенциально-го среднего государства.

В Концепции ВП РК на 2020-2030 гг. отмечено, что на внешнюю политику средних государств наиболее влияют системные факторы, под которыми понимаются «события и тенденции на глобальном и региональном уровнях» [1]. Структура международной системы, согласно неореалистской школе международных отношений, определяет внешнюю политику государств. «Позиционный» подход определения средней державы относится к реалистской традиции, уделяя внимание на измерении материальной силы государства, при этом, оставляя неизученными другие ее аспекты.

«Географический» подход

Одним из вариантов позиционного подхода, расширяющего концепцию средних держав, является рассмотрение географии, как части оценки силы государства.

Можно выделить три географических индикатора, используемых для утверждения статуса средней державы [7, с.73]. Во-первых, некоторые используют географический размер как показатель силы. Казахстан занимает 9 место в мире по территории и по данному индикатору уже относится к средним государствам.

Во-вторых, согласно прусскому военному теоретику Карл фон Клаузевицу, государства могут считаться средними державами, если они занимают ключевое географическое положение, разделяющее два великих государства, поддерживают дружеские отношения с соседями и способны вносить некоторый вклад в защиту своих великих соседей [3, с.22–23]. Также, можно рассматривать страну как среднее государство, если она находится между великой державой и большим рядом малых стран, к примеру, Мексика [3, с.20-22].

Имея общие границы с Китаем и Россией, Казахстан физически не разделяет эти страны, при этом состоит в союзнических отношениях с Россией через ОДКБ и ЕАЭС, а также является членом ШОС, куда входит и Китай.

Наконец, можно выделить третий индикатор географического подхода к определению средней державы, заключающийся в ее позиции в своем регионе. В конце 1960-х годов Исследовательским институтом Германского общества по внешней политике была разработана классификация государств по оказываемому ими влиянию. Средняя держава, согласно данно-

му исследованию, «это государство, играющее роль в регионе» [3, с.72].

Купер, Хигготт и Носсал отмечают, что есть как минимум два варианта географического подхода. Первый предполагает, что государства, сильные в своих географических регионах, могут рассматриваться как средние державы. Второй вариант, популярный в годы Холодной войны, предполагал, что средние державы занимают идеологически «среднюю» позицию между двумя противостоящими великими державами [4, с.17].

Казахстан имеет разное региональное и глобальное значения, но стремится к статусу средней державы на основе именно регионального влияния. «Взросшая субъектность Казахстана на мировой арене свидетельствует о повышении роли и международного авторитета государства, увеличении регионального веса, росте значения для глобальной экономики и финансовых институтов», - говорится в предыдущей Концепции внешней политики страны на 2014-2020 гг. [14]. Отмечается, что «осознавая свою ответственность и роль в регионе, страна будет прилагать всесторонние усилия для обеспечения региональной стабильности и безопасности» [14]. В новой Концепции уже говорится о необходимости закрепить статус ответственного участника мирового сообщества и лидирующего государства в регионе Центральной Азии [1].

Как указывает Э.Джордаан, новые средние державы часто являются региональными лидерами, в отличие от традиционных [14, с.404]. К примеру, Канада и Австралия стремились к статусу средней державы на основе международного, а не регионального влияния, особенно в первые послевоенные годы.

«Поведенческий» подход

Большое исследование поведенческого подхода было проведено Э.Купером, Р.Хигготтом и К.Носсалом, которые определили средние силы по их «тенденции искать многосторонние решения международных проблем, их склонности занимать компромиссные позиции в международных спорах и их склонность использовать понятия «хорошего международного гражданства» в качестве ориентира в своей дипломатии». Проанализировав позиционный, географический и нормативный подходы, Купер, Хигготт и Носсал выступили за то, что именно внешнеполитическое поведение государств должно служить главным критерием их включения в категорию «средних держав» [4, с.19].

В рамках данного подхода авторы выделили следующие виды дипломатии, присущие средним державам:

1. Катализатор: предприимчивые средние державы могут выступать в качестве катализатора дипломатических усилий, предоставляя интеллектуальную и политическую стратегию для выдвижения инициативы и дальнейшего ее продвижения, собирая вокруг нее группу сторонников;

2. Фасилитатор: на раннем и среднем этапах основное внимание уделяется созданию повестки дня. Создание коалиций по конкретным вопросам

является основным методом лидерства для средних держав;

3. Менеджер: на данном этапе главное внимание уделяется институциональному строительству. Под ним в широком смысле авторы исследования понимают не только создание формальных организаций и режимов, но и выработку норм и конвенций [4, с.25].

Указывая, что великие державы имеют гораздо больше возможностей для осуществления вышеизложенных направлений дипломатии, авторы, однако, отмечают, что у великих держав и гораздо больше рассматриваемых вопросов, нежели у средних. В этой связи, авторы рассматривают т.н. «нишевую дипломатию», понятие, появившееся в конце 1980-х-нач.1990-х годов [4, с.25].

«Нишевая дипломатия» означает концентрацию бюрократических ресурсов только в определенных областях, которые лучше всего могут обеспечить достойную отдачу, вместо того чтобы пытаться охватить все сферы [4, с.26]. Примерами «нишевой дипломатии» могут служить инициативы Канады по развитию мер доверия в военной области в Европе в начале 1990-х годов, по запрету противопехотных мин, а также инициативы Австралии по развитию режима нераспространения ядерного оружия в 1980-е годы.

Инициативы Казахстана, направленные на развитие ядерного разоружения, могут служить примером «нишевой дипломатии». Э.Маинтре отмечает, что только два средних государства, наряду с Японией, могут развивать «ядерную дипломатию» в качестве «нишевой», при этом опираясь на легитимность, наличие ресурсов и желание. К таким средним государствам он относит Казахстан и Южную Африку. Изучив «ядерную дипломатию» Японии, Казахстана и Южной Африки, она отмечает, что им удалось связать свою «ядерную дипломатию» с общими внешнеполитическими целями. К главным дипломатическим достижениям Казахстана Э.Маинтре относит: инициативу страны по учреждению Международного дня действий против ядерных испытаний, участие в работе ОДВЗЯИ, в Программе совместного уменьшения угроз, ведущую роль в заключение Семипалатинского договора 2006 г., подписание Соглашения о размещении БНОУ МАГАТЭ на территории страны [11, с.24].

Оказание официальной помощи развитию (ОПР) странам Центральной Азии также может служить примером «нишевой дипломатии» Казахстана. В 2020 г. было создано международное агентство помощи развитию KazAID, в уставе которого основные географические приоритеты оказания помощи – это Центральная Азия и Афганистан. Из стран региона в 2019 г. помощь развитию была оказана Таджикистану (1.7 млн. долл. США) и Кыргызстану (0.1 млн.долл.США). За шесть лет с 2013 по 2019 годы официальная помощь развития, оказываемая Казахстаном, увеличилась с 8 млн. долларов США до 34 млн. долларов США. Значительная доля помощи направляется в страны Центральной Азии и Афганистан, где

KazAID уделяет особое внимание инициативам в области инфраструктуры, гуманитарной помощи, гендерного равенства, образования и здравоохранения [15]. В 2018 г. Казахстан был впервые приглашен участвовать в 25-й пленарной сессии по управлению, проводимой Комитетов по содействию развитию ОЭСР в Париже.

Обращаясь снова к проекту института Clingendael, надо отметить, что одной из их методик определения средних держав был подсчет количества дипломатических представительств за рубежом и количество сроков работы страны в качестве непостоянного члена Совета Безопасности с 1998 г. и в составе Комиссии по правам человека ООН с 2006 г. По результатам методики, Казахстан был включен в категорию потенциальных средних держав [2].

Следующей методикой института Clingendael по классификации средних держав стал анализ финансовой поддержки странами мира ПРООН в 2013-2017 гг. и Индекса состояния свободы Freedom House на 2017 г. По результатам подсчетов, Казахстан находится в категории «зарождающихся средних держав» («emerging middle powers»). В данную категорию также включены такие страны, как Алжир, Ангола, Ирак, Таиланд и Вьетнам [2].

Применяя поведенческий подход к Казахстану, можно выступить в пользу того, что страна является средним государством. Так, в новой Концепции внешней политики РК закреплена важность обеспечения более эффективного продвижения международных инициатив Казахстана в целях получения конкретных результатов для страны и мира. Внешнеполитические инициативы Казахстана по ядерному разоружению, развитие СВМДА, позиционирование страны в качестве ответственного участника международного сообщества – все это выступает в поддержку статуса как среднего государства.

Заключение

Всплеск интереса к средним державам в 2000-е годы, попытки рассматривать их в качестве традиционных и зарождающихся, отражает появление в мировой политике и экономике категории новых государств, которые в большой степени соответствуют «позиционному» и «географическому» подходам в определении средней державы, но лишены исторических и политических истоков дипломатии традиционных средних держав.

Споры по поводу понятия «средняя держава», являющегося западным концептом, продолжают со времен окончания Второй мировой войны. Однако, его параметры как категории остаются относительно неразработанными в академическом сообществе. Отсутствие признанного авторитетного определения «средней державы» создает сложности в его применении.

Рассмотренные подходы к анализу «средней державы», примененные к Казахстану в данной работе, позволяют говорить о формировании статуса страны как среднего государства. Применяя «позиционный» и «географи-

ческий» подходы к Казахстану, можно выступить в пользу того, что страна является потенциальной средней державой. Анализ «поведенческого» подхода и последующее его тестирование в отношении страны свидетельствует о том, что успешная реализация ряда внешнеполитических инициатив, развитие «посреднической» дипломатии, позволяют заявить о Казахстане как о среднем региональном государстве. Внешнеполитические инициативы по ядерному разоружению, развитие СВМДА, позиционирование страны в качестве ответственного участника международного сообщества – все это выступает в поддержку статуса страны как среднего государства.

Работы казахстанских и зарубежных авторов, посвященных изучению политики Казахстана как средней державы [9,10,11], нидерландского проекта с включением страны в категорию «потенциальных средних держав» [2], идентификация страны в Концепции внешней политики на 2014-2020 гг. обосновывают важность развития значимых исследований в этой области и выработки практических рекомендаций. Важным представляется изучение Казахстана на основе конструктивистского подхода, в основе которого лежит самоидентификация страны в качестве «средней державы», начало которого можно наблюдать в новой Концепции внешней политики.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. 9 марта 2020 г. https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody
2. Oosterveld, W., Torossian, B. A balancing act: the role of Middle powers in contemporary diplomacy // Strategic Monitor. - 2018-2019// <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/>
3. Holbraad, C. Middle Powers in International Politics. - London Macmillan Press, 1984
4. Cooper A., Higgot R., Nossal K., Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. - UBC Press, 1993
5. Jordaan, Ed. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers // South African Journal of Political Studies. -2003. - Volume 30. – Issue 1
6. Robertson, J. South Korea as a Middle Power: Capacity, Behavior, and Now Opportunity// International Journal of Korean Unification Studies. – 2007. - Vol.16. - No.1. - P.151-174
7. Carr, A. Is Australia a middle power? A systemic impact approach // Australian Journal of International Affairs. - 2014. - Vol.68. - No.1. – P.70-84
8. Robertson, J. Middle-power definitions: confusion reigns supreme // Australian Journal of International Affairs. – 2017. - Vol.71. - No.4. – P.355-370
9. Bakhtiyarova A., Seyit Ali Avcu. Middle Power Behavior During the Transition in World Order: the Case of Kazakhstan //Вестник КазНУ им.аль-Фараби. Серия международные отношения и международное право. – 2022. - №1 (97). – С.53-62
10. Sadri. H., Kurmashev, A., Zholdasbekova, A., Akhmedyanova, D. Kazakhstan's Middle Power Response to Terrorism//Insight Turkey. – 2018. – Vol.20. – N.4 // <https://www.insightturkey.com/articles/kazakhstans-middle-power-response-to-terrorism>
11. Maitre, E. Nuclear Diplomacy: A Niche Diplomacy for Middle Powers// Foundation

pour la recherche stratégique – FRC. – 2018. – N.8 // <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

12. Cooper, A. Emel Parlar Dal. Positioning the third wave of middle power diplomacy: Institutional elevation, practice elevation // *International Journal*. – 2016. – Vol.71 (4). – P.516-528
13. Jordaan, Ed. The emerging middle power concept: Time to say goodbye? // *South African Journal of International Relations*. -2017. - 23:3, - P. 395-412 // https://www.academia.edu/es/40074456/_The_emerging_middle_power_concept_Time_to_say_goodbye_in_South_African_Journal_of_International_Affairs_2017
14. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 гг. 21 января 2014 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741>
15. Официальный сайт ОЭСР // <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/7da178e1-en/index.html?itemId=/content/component/7da178e1-en>

References

1. Kontseptsiya vneshnei politiki Respubliki Kazakhstan na 2014-2020 gg. 9 marta 2020 g. // https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody
2. Oosterveld, W., Torossian, B. A balancing act: the role of Middle powers in contemporary diplomacy // *Strategic Monitor*. - 2018-2019 // <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/>
3. Holbraad, C. Middle Powers in International Politics. - London Macmillan Press, 1984
4. Cooper A., Higgot R., Nossal K., Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. - UBC Press, 1993
5. Jordaan, Ed. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers // *South African Journal of Political Studies*. -2003. - Volume 30. – Issue 1
6. Robertson, J. South Korea as a Middle Power: Capacity, Behavior, and Now Opportunity // *International Journal of Korean Unification Studies*. – 2007. - Vol.16. - No.1. - P.151-174
7. Carr, A. Is Australia a middle power? A systemic impact approach // *Australian Journal of International Affairs*. - 2014. - Vol.68. - No.1. – P.70-84
8. Robertson, J. Middle-power definitions: confusion reigns supreme // *Australian Journal of International Affairs*. – 2017. - Vol.71. - No.4. – P.355-370
9. Bakhtiyarova A., Seyit Ali Avcu. Middle Power Behavior During the Transition in World Order: the Case of Kazakhstan // *Vestnik KaZNU im. al'-Farabi. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*. – 2022. - №1 (97). – С.53-62
10. Sadri, H., Kurmashev, A., Zholdasbekova, A., Akhmedyanova, D. Kazakhstan's Middle Power Response to Terrorism // *Insight Turkey*. – 2018. – Vol.20. – N.4 // <https://www.insightturkey.com/articles/kazakhstans-middle-power-response-to-terrorism>
11. Maitre, E. Nuclear Diplomacy: A Niche Diplomacy for Middle Powers // *Foundation pour la recherche stratégique – FRC*. – 2018. – N.8 // <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>
12. Cooper, A. Emel Parlar Dal. Positioning the third wave of middle power diplomacy: Institutional elevation, practice elevation // *International Journal*. – 2016. – Vol.71 (4). – P.516-528
13. Jordaan, Ed. The emerging middle power concept: Time to say goodbye? // *South African Journal of International Relations*. -2017. - 23:3, - P. 395-412 // https://www.academia.edu/es/40074456/_The_emerging_middle_power_concept_Time_to_say_goodbye_in_South_African_Journal_of_International_Affairs_2017
14. Kontseptsiya vneshnei politiki Respubliki Kazakhstan na 2014-2020 gg. 21 yanvarya 2014 g. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741>
15. Ofitsial'nyi internet-resurs OECD // <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/7da178e1-en/index.html?itemId=/content/component/7da178e1-en>

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Лаура Демесинова¹,
Гаухар Абдрахманова²,

¹ докторант кафедры политологии факультета журналистики и политологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

email: ailuna.utegen@gmail.com

² доцент кафедры политологии факультета журналистики и политологии ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, г. Астана, Казахстан

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.03>

Аннотация. Статья направлена на изучение основных тенденций и факторов внешней миграции молодежи Казахстана, как составной части миграционных процессов в Центральной Азии. В работе представлен анализ статистической информации в области миграции молодежи в Казахстане в региональном контексте. Автор рассматриваются особенности внешней молодежной миграции в Казахстане, выявлены основные характеристики выезжающего из страны населения. Автор отмечает, что важными факторами выезда из страны являются получение образования и трудоустройство. В работе проанализированы основные характеристики учебной и трудовой миграции молодежи.

Ключевые слова: молодежная миграция, Центральная Азия, миграция, миграционная политика, внешняя миграция.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЖАСТАР КӨШІ-ҚОНЫ АҒЫНДАРЫ КОНТЕКСТІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН ЖАСТАРЫНЫҢ СЫРТҚЫ КӨШІ-ҚОНЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Лаура Демесинова¹, Гаухар Абдрахманова²

¹ Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ журналистика және саясаттану факультетінің саясаттану кафедрасының докторанты, email: ailuna.utegen@gmail.com

² Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ журналистика және саясаттану факультетінің саясаттану кафедрасының доценті, Астана қ., Қазақстан

Аңдатпа. Мақала Орталық Азиядағы көші-қон процестерінің құрамдас бөлігі ретінде Қазақстандағы жастардың сыртқы көші-қонының негізгі тенденциялары мен факторларын зерттеуге бағытталған. Жұмыста аймақтық контексте Қазақстандағы жастардың көші-қоны саласындағы статистикалық ақпараттың талдауы ұсынылған. Автор Қазақстандағы сыртқы жастар көші-қонының ерекшеліктерін қарастырады, елден кетіп жатқан халықтың негізгі сипаттамаларын анықтайды. Автор елден кетудің маңызды факторы білім мен жұмысқа орналасу екенін атап көрсетеді. Жұмыста жастардың оқу және еңбек миграциясының негізгі сипаттамалары талданады.

Түйінді сөздер: жастар миграциясы, Орталық Азия, миграция, көші-қон саясаты, сыртқы көші-қон.

FEATURES OF EXTERNAL MIGRATION OF KAZAKHSTAN'S YOUTH IN THE CONTEXT OF YOUTH MIGRATION FLOWS IN CENTRAL ASIA

Laura Demessinova¹, Gauhar Abdrakhmanova²

¹ Doctoral student of the Department of Political Science, Faculty of Journalism and Political Science, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan, email: ailuna.utege@gmail.com

² Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Journalism and Political Science, L.N.Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article is aimed to research the main trends and factors of external migration of young people in Kazakhstan as an integral part of migration processes in Central Asia. The paper presents an analysis of statistical information in the field of youth migration in Kazakhstan in a regional context. The author examines the features of external youth migration in Kazakhstan, identifies the main characteristics of the population leaving the country. The author notes that education and employment are important factors in leaving the country. The paper analyzes the main characteristics of educational and labor migration of young people.

Keywords: youth migration, Central Asia, migration, migration policy, external migration.

Введение

В современном мире в условиях глобализации наблюдается тенденция по увеличению миграционных потоков, вызванных различными социально-политическими и экономическими факторами. Согласно данным ООН, число людей, живущих за пределами страны своего рождения или граж-

данства, достигло 281 миллиона в 2020 году, по сравнению со 173 миллионами в 2000 году и 221 миллионом в 2010 году. Поскольку количество международных мигрантов росло быстрее, чем население мира, доля международных мигрантов в общей численности населения мира увеличилась с 2,8 % в 2000 г. до 3,2 % в 2010 г. и до 3,6 % в 2020 г. [1].

Безусловно, на динамику миграционных потоков оказала серьезное влияние пандемия COVID-19 в 2020 году. По предварительным оценкам, к середине 2020 года пандемия, возможно, замедлила рост числа международных мигрантов примерно на два миллиона [2].

Глобальная тенденция по нарастанию миграционных потоков характерна и для Центральноазиатского региона. Изучение этого процесса представляет собой значительный исследовательский интерес и практическую значимость в связи с тем, что миграция влияет на динамику численности населения, изменяет его демографические характеристики, национальный и религиозный состав. Последствия миграции рассматриваются в контексте безопасности – политической, социальной или экономической. Всё чаще обсуждается влияние миграции на здоровье населения. Экономические последствия миграции также весьма значительны: мигранты являются активными участниками рынков труда; во многих государствах денежные переводы мигрантов – это важнейший фактор роста доходов населения и развития этих государств. При выстраивании государственной политики особенно важно анализировать информацию по миграционным потокам для выработки эффективных решений в области миграционной политики.

Важно отметить, что по данным ООН, в большинстве стран существует политика, направленная на содействие упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции. Согласно оценкам, во всем мире 54 % из 111 правительств заявили о проведении такой политики (что, в свою очередь, является показателем устойчивого развития номер «10.7.2») [3].

В Центральной Азии характер миграционных потоков, по мнению некоторых экспертов, существенно изменился с 2000-х годов. При этом специалисты связывают рост показателей в области миграции, в первую очередь, со стабилизацией социально-экономического развития в странах региона в сравнении с предыдущим десятилетием, начавшимся с распадом Советского союза.

Характеризуя миграционные потоки в отдельных странах Центральноазиатского региона, необходимо отметить, что с 2004 по 2011 год нетто-миграция Казахстана с Россией составила 180 тысяч человек в пользу России, и 32,5 тысяч человек для Казахстана и Германии в пользу Германии.

Одновременно с этим увеличился миграционный поток в Казахстан из стран Центральной Азии, а также Китая, Монголии и других стран. Прежде всего, причиной является запуск программы возвращения этнических казахов на историческую родину. За аналогичный период (с 2004 по 2011

год) положительное сальдо миграции Казахстана с Узбекистаном составило 211 тысяч человек, с Китаем — 36,6 тысячи человек, с Монголией — 27 тысяч человек и с Кыргызстаном — 14 тысяч человек. Всего же с 1991 по 2016 годы на историческую родину вернулись и получили статус оралмана (кандаса) 261 104 семьи — 957 772 этнических казаха, что составляет 5,5% населения страны. 61,6% оралманов прибыли из Узбекистана, 14,2% являются выходцами из Китая, 9,2% из Монголии, 6,8% из Туркменистана, 4,6% из России и 3,6% из других стран [4].

Помимо возвращения на историческую родину, причиной миграции является трудовая и учебная миграция. Как показывают официальные статистические данные, одними из основных мотивов миграции населения являются работа и учеба (табл.1).

Таблица 1. Численность выбывшего из Казахстана населения по целям, человек

Всего	в том числе		
	в связи с работой	в связи с учебой	другое
179538	9 977	5 020	164 541

Источник: БНС АСПиР РК, январь-март 2022 г.

Казахстан в начале 2000-х по мере ускорения экономического роста на постсоветском пространстве стал второй страной (после России), принимающей трудящихся-мигрантов из других государств. Важно отметить, на сегодняшний день в условиях глобализации расширяются возможности по поиску работы через Интернет-ресурсы.

С целью регулирования занятости на рынке труда и содействию обеспечения занятости своих граждан, Правительство Казахстана с начала 2000-х устанавливало квоты на привлечение иностранных работников и ограничение их числа в различных секторах экономики. Так, согласно статье 37 Закона Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения», «привлечение работодателем иностранной рабочей силы осуществляется на основании разрешения, выдаваемого местными исполнительными органами в пределах квоты, устанавливаемой уполномоченным органом по вопросам миграции населения», «порядок установления квоты на привлечение иностранной рабочей силы в Республику Казахстан и ее распределения между областями, городами республиканского значения, столицей определяется Правительством Республики Казахстан» [5].

Согласно некоторым данным, первоначально квота составляла 0,15%, что не превышало 10-11 тысяч человек. С 2004 по 2008 год происходил ежегодный прирост квоты, которая к 2008 году поднялась до уровня 1,6%, или 132,8 тысячи человек. Однако в результате глобального экономического кризиса 2008–2009 годов она была снижена и в 2014 году составила 0,7% от экономически активного населения республики [6].

Отдельной проблемой является нелегальная миграция с вытекающими из нее возможными последствиями. Это такие риски, как развитие теневой экономики, так как нелегальные трудящиеся не оформляют свое трудоустройство – доходы нелегальных мигрантов не облагаются налогами. Дешевизна низкоквалифицированной иностранной рабочей силы может способствовать на снижение на рынке труда уровня заработной платы по соответствующим профессиям, что может ухудшить экономическое положение легальных работников (местного населения) или же вынуждать их также переходить на нелегальное трудоустройство. Также это риски развития преступности, занятие преступными видами деятельности.

По мнению некоторых экспертов, «нелегальная миграция способствует поддержанию и развитию неконтролируемых государством секторов экономики – рынков труда и товаров; в таких отраслях, как строительство, сельское хозяйство, сфера услуг и развлечений существует большой спрос на нелегальную дешевую рабочую силу, в ходе использования которой работодатели не несут никакой ответственности социальной защите и по защите прав человека» [7]. Работодатели могут не соблюдать нормы обеспечения здоровья и безопасности труда мигрантов, что чревато травматизмом или смертельными случаями. Также существуют риски нарушения прав человека, проблема торговли людьми.

В Казахстан продолжается приток незаконных трудовых мигрантов — главным образом, граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Оценки незаконной миграции сильно разнятся: от 300 000 до 1,5 миллиона человек. С апреля 2014 года подразделения миграционной полиции выдают разрешения трудовым мигрантам на работу у физических лиц в домашнем хозяйстве. Согласно некоторым оценкам, благодаря этим действиям только в 2015 году из теневого сектора было выведено более 140 тысяч мигрантов [8].

Таким образом, вопросы регулирования миграции населения представляют в национальном и региональном аспектах особую стратегическую важность. Необходимо отметить, что учебная миграция, очевидно, наиболее характерна для категории молодежи. Важно также всесторонне изучить и характер трудовой миграции молодежи.

Изучение внешней миграции молодежи в Центральноазиатском регионе является важным и актуальным вопросом, освещение которого, тем не менее, носит больше эпизодический характер. Необходимо выделить видные труды, посвященные вопросам трудовой и учебной миграции молодежи в Центральной Азии, за последние несколько лет. В 2019 году был опубликован доклад Международной организации по миграции «Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий» [9]. Различные аспекты учебной и трудовой миграции отражены в трудах таких авторов, как Леденева В.Ю., Ломакина О.В., Джунусов А.М., Бегасилов Б.Т. [10], Ризоен Ш.Ш. [11], Захарова И.В. [12], Сыздыкбеков Е.С. [13], Махмутова М. [14] и других авторов.

Как показывают результаты исследований автора Ракишевой Б. [15, 16], молодежь Центральной Азии демонстрируют высокий потенциал миграционной подвижности. При этом мотивами и причинами миграции являются такие факторы, как экономическая ситуация, социально-психологический фактор, ситуация в сфере образования, группа политических факторов, интерес посмотреть другую страну, попутешествовать. Исследователь Толеуов Ж.С. в своих работах приходит к выводу, что «молодежная миграция из стран Центральной Азии осуществляется преимущественно в рамках Евразийской миграционной системы, и число студентов из этих стран и рабочих мигрантов стабильно увеличивается» [17].

Цель данного исследования – определить основные тенденции и особенности внешней миграции молодежи Казахстана в Центральноазиатском регионе.

Для достижения цели исследования будут реализованы следующие задачи:

- 1) определить ключевые векторы и динамику молодежных миграционных потоков в Центральной Азии;
- 2) изучить особенности учебной миграции в Центральной Азии;
- 3) рассмотреть особенности молодежной трудовой миграции в Центральной Азии;
- 4) выявить ключевые факторы внешней миграции молодежи Казахстана.

Методы исследования

Для анализа текущего положения в области миграции молодежи в Центральной Азии будут проведены статистический анализ данных, сравнительно-политологический анализ миграционных потоков молодежи в Центральной Азии.

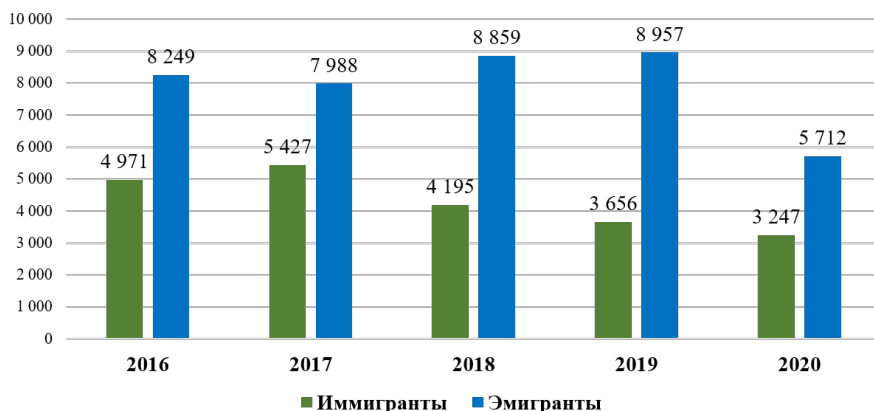
Результаты исследования и их обсуждение

Во внешней миграции молодежи Казахстана наблюдается тенденция на сохранение отрицательного сальдо в течение пяти лет. Если в 2016 году сальдо внешней миграции составило -3 278 человек, то в 2020 году этот показатель зафиксирован на уровне -2 465 человек. При этом наивысшая точка отрицательного сальдо внешней молодежной миграции с 2016 по 2020 год наблюдается в 2019 году на уровне -5 301 человек. В этот период времени количество выезжающих превышает количество въезжающих в Казахстан молодых людей в несколько раз – от 1,5 до 2,4 раз (диаграмма 1).

Как показывают статистические данные, в 2020 году эмиграция молодежи из Казахстана показывает тенденцию к снижению. Прежде всего, это связано с карантинными ограничениями в контексте пандемии коронавируса. Если в 2016 году количество выезжающих было на уровне 8 249 человек, то в 2020 году эта цифра составила 5 712. При этом среди

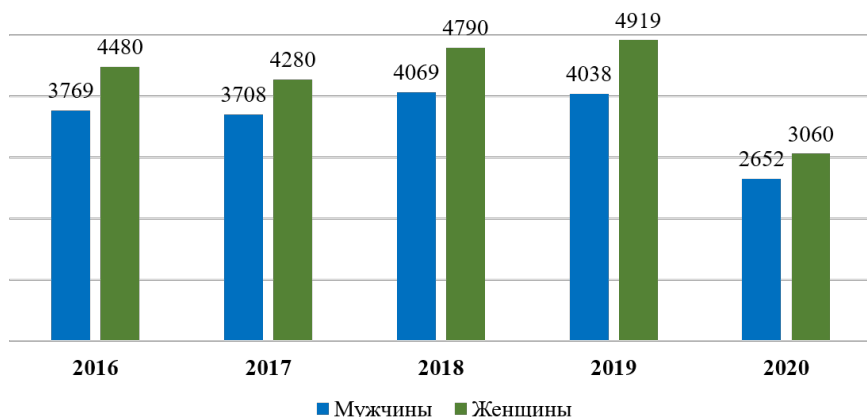
эмигрантов сохраняется тенденция на преобладающую численность женского пола (диаграмма 2) [15].

Диаграмма 1. Количество иммигрантов и эмигрантов из числа молодежи в Казахстане, человек.

Источник: БНС АСПиР РК.

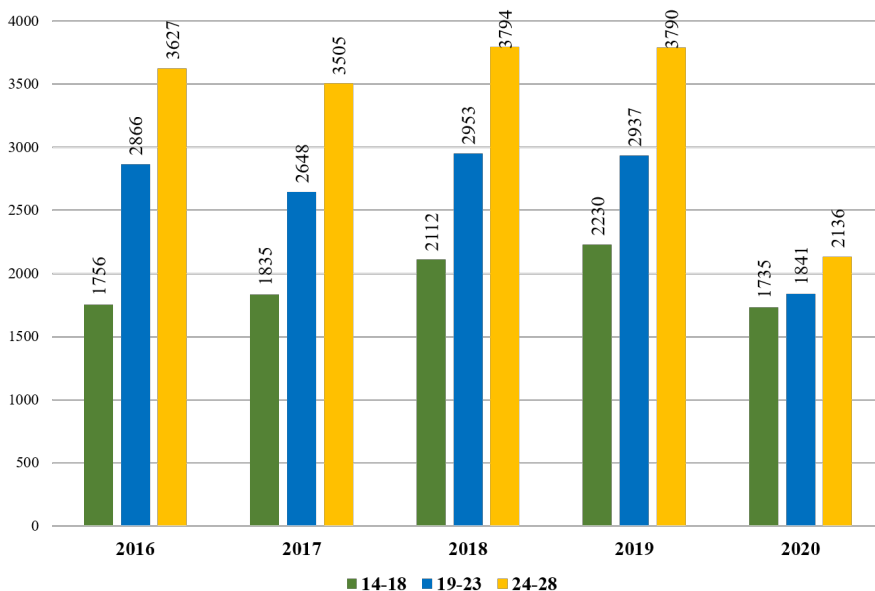
Диаграмма 2. Количество эмигрантов из числа молодежи Казахстана в гендерном разрезе, человек.

Источник: БНС АСПиР РК.

Анализ данных о количестве выбывающей из Казахстана молодежи в разрезе возрастных групп показывает, что чаще всего уезжают молодые люди в возрасте от 24 до 28 лет (диаграмма 3). Для этой возрастной группы характерны наличие образования и опыта работы, поэтому, прежде всего, для данной категории это, вероятнее всего, трудовая миграция.

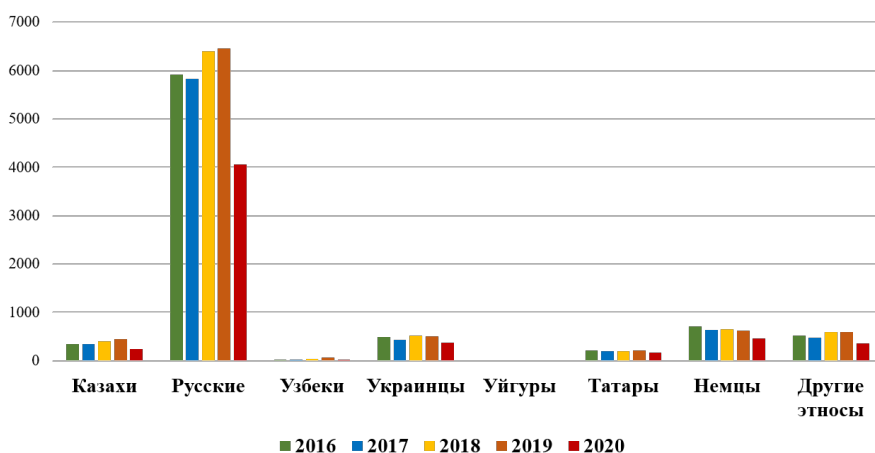
Диаграмма 3. Количество эмигрантов из числа молодежи Казахстана в разрезе возрастных групп, человек.

Источник: БНС АСПиР РК.

При этом характерной особенностью является то, что среди выбывающей из страны молодежи больше всех представлены лица русской национальности (диаграмма 4).

Диаграмма 4. Количество эмигрантов из числа молодежи Казахстана в разрезе национальности, человек.

Источник: БНС АСПиР РК.

Таким образом, исходя из анализа статистической информации, социальный портрет выбывающей из страны молодежи представлен, прежде всего, молодыми людьми в возрасте 24-28 лет, чаще всего – женского пола, по национальности – русские. При этом факторами миграции являются, прежде всего, трудоустройство, получение образования либо другие обстоятельства (Таблица 1).

Определение факторов внешней миграции молодежи, а также основных направлений миграционных потоков представляет особую значимость для выработки мер государственной молодежной политики.

Принимая во внимание комплекс факторов, влияющих на миграцию, все же молодежную миграцию в Центральной Азии целесообразно рассматривать, в первую очередь, в контексте учебной и трудовой миграции. В этой связи исследование построено по данным двум блокам.

1. Учебная миграция

Для развития Центральноазиатского региона необходимо повышение качества человеческого капитала, что, в свою очередь, требует обеспечения *доступа к качественному образованию и занятости населения*. В странах Центральноазиатского региона, в целом, созданы возможности для получения населением качественного и доступного средне-специального и высшего образования, а также для получения образования за рубежом. Обучение молодежи в передовых университетах мира является приоритетным направлением развития человеческого капитала в Казахстане. Так, например, в Казахстане с 1993 года действует программа «Болашак», направленная на направление талантливой молодежи в ведущие вузы мира. Среди стран, которые выбирают для учебы стипендиаты программы – Великобритания, Ирландия (на первом месте), США и страны Европы – Австрия, Швеция, Швейцария, Франция, Нидерланды, Финляндия, Италия (на втором месте). Третье место – Япония, Сингапур, Южная Корея, список замыкает Россия [16]. В целом, учебная миграция сегодня (с последующим возвращением на Родину) – это фактор повышения конкурентоспособности страны.

Результаты некоторых исследований показывают, что для молодежи стран Центральной Азии наиболее распространенным направлением учебной миграции является Российская Федерация, количество студентов по данному направлению значительно превышает количество студентов, выбравших другие страны для обучения [17]. Также, согласно некоторым оценкам, другими приоритетными направлениями для казахстанских студентов являются Китай, Республика Корея, Великобритания; для кыргызстанских студентов – Китай, Турция; таджикистанских студентов – Китай, Беларусь; узбекистанских студентов – Китай, Республика Корея [18].

Важно отметить, вузы России и других стран предоставляют для абитуриентов стран Центральной Азии специальные учебные гранты. По данным Росстата, число граждан стран Центральной Азии, обучающихся в

Российской Федерации по образовательным программам высшего образования в очной форме, имеет устойчивую тенденцию к росту и в 2018-2019 учебном году составило около 75 тыс. человек.

Большая часть студентов в России из Центральной Азии из них обучается по очной форме обучения. Больше всего в Россию за получением высшего образования по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры выезжает молодежь из Казахстана – 16,7 тыс. человек в 2000/2001 учебном году, 65,5 тыс. человек в 2018/2019 и 59,1 тыс. человек в 2020/2021 (таблица 2). Снижение динамики в количестве студентов с 2019 года связано, прежде всего, с карантинными мерами в условиях пандемии коронавируса.

Таблица 2. Количество студентов из стран Центральной Азии, обучающихся по очной форме обучения от общего количества студентов из Центральной Азии, тыс. человек

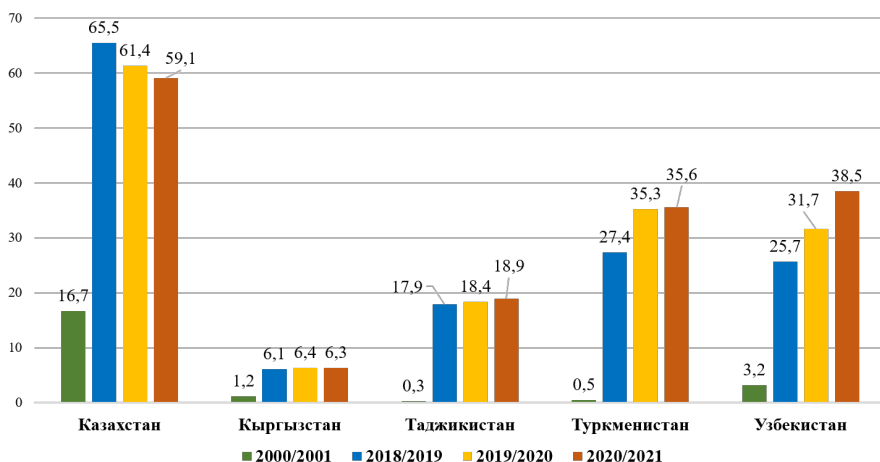
	2000/2001		2018/2019		2019/2020		2020/2021	
	Всего	в том числе по очной форме обучения	Всего	в том числе по очной форме обучения	Всего	в том числе по очной форме обучения	Всего	в том числе по очной форме обучения
Казахстан	16,7	11,7	65,5	39,6	61,4	38,6	59,1	38,9
Кыргызстан	1,2	0,5	6,1	4,9	6,4	5	6,3	4,9
Таджикистан	0,3	0,2	17,9	14,4	18,4	15,1	18,9	15
Туркмения	0,5	0,4	27,4	23,1	35,3	30,6	35,6	31,1
Узбекистан	3,2	1,2	25,7	16	31,7	18,7	38,5	20,6

Источник: БНС АСПиР РК, январь-март 2022 г.

И, как показывают статистические данные, численность студентов из стран Центральной Азии в России увеличивается с каждым годом. В 2020/2021 учебном году в России обучались 59,1 тыс. студентов из Казахстана, 38,5 тыс. студентов из Узбекистана, 35,6 тыс. студентов из Туркменистана, 18,9 тыс. студентов из Кыргызстана (диаграмма 5).

Также некоторые данные свидетельствуют о некотором объеме учебной миграции между странами Центральной Азии. Согласно оценкам, в Казахстане в 2018–2019 учебном году обучалось 1 085 кыргызстанцев (в 2017 году — 1 026), 703 таджикистанца и 9 680 узбекистанцев (в 2017 году — 3 539); Кыргызстане — 459 граждан Таджикистана и 3 311 граждан Узбекистана (в 2017 году — 323); в Таджикистане обучаются 2 068 человек из Узбекистана [19].

Диаграмма 5. Численность иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в Российской Федерации, тыс. человек.

Источник: Россия в цифрах, 2021. Росстат.

2. Трудовая миграция молодежи

В структуре внешней трудовой миграции молодежь также занимает значительную роль. Вопросы внешней миграции приобретают особую актуальность в связи с риском так называемой «утечки мозгов». «Утечка мозгов» – истощение человеческого капитала в определенной профессии или экономическом секторе в результате эмиграции квалифицированных кадров из страны происхождения в другую страну. Необходимо проследить структуру выезжающего населения, мотивы выезда из страны и перспективы их возвращения.

При этом важно отметить, что для стран Центральной Азии отличается характер внешней миграции. Различные исследования показывают, что из Казахстана выезжают на работу в основном высококвалифицированные кадры. Как показывают выборочные исследования, граждане Казахстана выполняют работу средней или высокой квалификации.

Анализ статистики выбывшего из Казахстана населения на январь-март 2022 года также показывает, что больше всего уезжает население с высшим образованием – 70 470 человек (таблица 3).

Таблица 3. Численность выбывшего населения Казахстана старше 15 лет по уровню образования, человек

высшее	среднее профессиональное (специальное)	общее среднее	основное среднее
70 470	46 081	37 690	25 297

Источник: БНС АСПиР РК, январь-март 2022 г.

Анализ количества выезжающих людей старше 15 лет в разрезе специальностей показывает, что больше всего выезжает в зарубежные страны люди с технической специализацией. В разрезе областей больше всего выезжает людей из Карагандинской, Костанайской, Павлодарской областей, а также из СКО и ВКО, г. Алматы. То есть, большая часть из этих регионов являются *приграничными с Россией*.

Таблица 4. Численность выбывшего населения Казахстана старше 15 лет по уровню образования, человек

Регион	Всего	Внешняя миграция							
		архитектурно-строительная	медицинская	педагогическая	техническая	экономическая	юридическая	сельско-хозяйственная	другая
РК	2 915	67	156	258	1 000	457	119	41	817
Акмолинская	175	4	10	22	43	26	6	4	60
Актюбинская	174	7	8	15	67	24	3	2	48
Алматинская	84	0	0	7	27	10	3	0	37
Атырауская	33	1	0	3	10	6	0	1	12
ЗКО	93	0	3	8	30	21	5	5	21
Жамбылская	84	0	7	6	40	16	3	1	11
Карагандинская	376	5	22	32	166	65	17	0	69
Костанайская	377	13	22	43	112	64	24	15	84
Кызылординская	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мангистауская	42	1	1	1	25	2	2	0	10
Павлодарская	376	3	14	24	140	64	20	2	109
СКО	255	3	29	33	82	36	5	7	60
Туркестанская	14	1	1	2	4	0	0	1	5
ВКО	379	3	28	31	172	55	19	1	70
г. Нур-Султан	112	6	4	8	18	23	2	2	49
г. Алматы	287	20	2	17	48	34	9	0	157
г. Шымкент	54	0	5	6	16	11	1	0	15

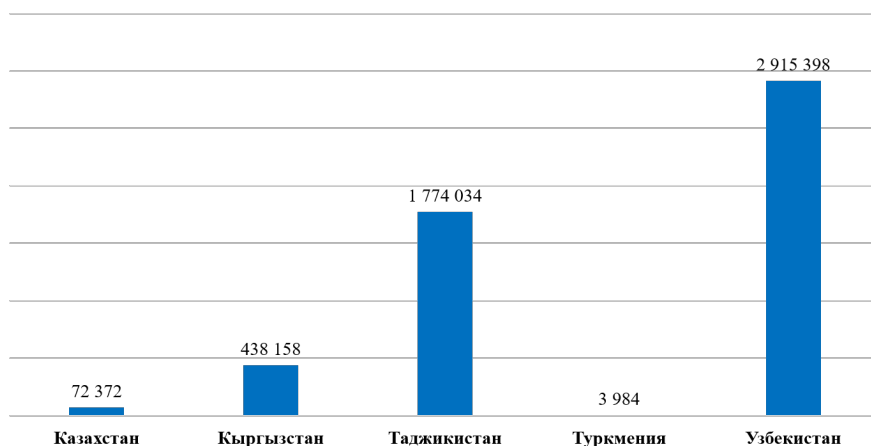
Источник: БНС АСПиР РК, 2022 г.

О том, что основным направлением трудовой миграции из стран Центральной Азии является Россия, также подтверждается данными ис-

следований. По оценкам, «для всех стран региона фиксируется тенденция к росту числа лиц, выезжающих в Российскую Федерацию с рабочими целями, исключение — Кыргызстан, где объем трудовой миграции в Российскую Федерацию в 2016–2018 годах стабилизировался на уровне 352–377 тыс. человек» [20].

Согласно данным МВД Российской Федерации, за январь-июнь 2022 года на миграционный учет с целью «работа» встали около 5 млн. человек из Центральной Азии. При этом большинство иммигрантов — из Узбекистана и Таджикистана (диаграмма 6) [21].

Диаграмма 6. Количество вставших на миграционный учет с целью «работа» в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года, человек.

Источник: МВД РФ.

Кроме того, в характере миграционных потоков и факторов миграции особую роль на сегодняшний день играет политическая ситуация в России. Согласно некоторым данным, «за первый квартал 2022 года из России выехали 3 миллиона 880 тысяч 679 граждан, для сравнения: с 2000 по 2021 год Россию покинули 5 миллионов человек; при этом из их числа отправились в Казахстан 204 947 человек, в Узбекистан - 53 084 человека, в Таджикистан - 40 054 человека» [22].

Выводы

По результатам исследования особенностей миграции молодежи в Центральной Азии выделяются следующие **выводы**.

Первое. Во внешней миграции молодежи Казахстана наблюдается тенденция на сохранение отрицательного сальдо в течение пяти лет, то есть, уезжает из страны больше молодежи, чем въезжает. Некоторое снижение показателей эмиграции молодежи в 2020 году связано, в первую очередь, с карантинными ограничениями в контексте пандемии коронавируса.

Второе. Чаще всего из Казахстана уезжают молодые люди в возрасте от 24 до 28 лет. При этом характерной особенностью является то, что среди выбывающей из страны молодежи больше всех представлены русские, в гендерном разрезе – больше выезжают девушки, нежели парни.

Третье. Для молодежи стран Центральной Азии наиболее распространенным направлением учебной миграции является Российская Федерация. Важным фактором является то, что Россия предоставляет для граждан стран Центральной Азии значительное количество образовательных грантов. Большая часть студентов в России из Центральной Азии из них обучается по очной форме обучения. Численность студентов из стран Центральной Азии в России увеличиваются с каждым годом.

Четвертое. Отмечается также небольшой объем учебной миграции между странами Центральной Азии.

Пятое. Наиболее распространенным направлением трудовой миграции также является Российская Федерация. При этом больше всего из Казахстана уезжает население с высшим образованием, чаще всего – техническим. При этом больше всего выезжают жители приграничных с Россией регионов.

Шестое. На характер миграционных потоков и факторов миграции в регионе в ближайшее время, вероятно, окажет влияние политическая ситуация в России.

На основании результатов исследования выделяются следующие **рекомендации** для государственных органов в области молодежной политики, и миграционной политики, в целом.

Первое. Необходимо реализовывать меры по повышению качества и доступности высшего образования в Казахстане с акцентом на усиление региональных вузов, расположенных в приграничных областях. Повышение качества образования в странах может оказать влияние на динамику миграционных потоков молодежи, поскольку одной из главных причин учебной миграции является более высокое качество и доступность образования в странах пребывания для получения образования.

Второе. Целесообразно создание стимулирующих механизмов для возвращения эмигрировавшей молодежи. Тенденции в миграционном процессе молодежи в Центральной Азии несут собой ряд социально-политических и экономических рисков. Прежде всего, это касается «утечки мозгов», высококвалифицированных кадров в другие страны. В перспективе это может усугубить и без того актуальную проблему нехватки кадров в разных отраслях экономики.

Список источников

1. Основные показатели международной миграции на 2020 год. // URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf С. 1.
2. Всемирный банк (2020). Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19: потоки денежных переводов сократятся на 14% к 2021 году. Краткий обзор миграции и развития. С.33// URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2020/10/29/covid-19-remittance-flows-to-shrink-14-by-2021>
3. Основные показатели международной миграции на 2020 год// URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf
4. Мы – Казахстан. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам и Республики Казахстан// URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/7>
5. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV О миграции населения. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет»// URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>
6. Садовская Е. Казахстан в системе международных трудовых миграций. Демоскоп-Weekly, № 583-584, 27 января – 9 февраля 2014 года.
7. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир/гл.ред. В.А. Ионцев. С. 23// URL: <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1767&p=attachment>
8. Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан. Аналитический доклад «Актуальные проблемы защиты прав трудящихся-мигрантов и жертв торговли людьми в Республике Казахстан». Астана, 2017. — 196 с.
9. Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf
10. Леденева В.Ю., Ломакина О.В., Джунусов А.М., Бегасилов Б.Т. Образовательная политика Казахстана в условиях миграции молодежи// DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168
11. Ризоен Ш.Ш. Внешняя образовательная миграция молодежи Таджикистана как двухуровневый ресурс «мягкой силы» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-obrazovatel'naya-migratsiya-molodezhi-tadzhikistana-kak-dvuhurovnevyy-resurs-myagkoy-sily>
12. Захарова И.В. Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sderzhivanie-mezhregionalnoi-uchebnoi-migratsii-rol-vuzov>
13. Сыздыкбеков Е.С. Основные факторы и тренды внешней трудовой миграции в республике Казахстан. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-faktory-i-trendy-vneshney-trudovoy-migratsii-v-respublike-kazakhstan>
14. Махмутова М. Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г. Алматы. // URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf
15. Ракишева Ботагоз. Нелегальная миграция казахстанцев в Южную Корею. Казахстанский совет по международным отношениям (КАСМО) – Нур-Султан, 2020. – 60 с. <https://opinions.kz/images/books/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%20%D0%9D%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%8E.pdf>
16. Ракишева Б. Молодежь Центральной Азии. Сравнительный обзор. Представительство Фонда им. Ф.Эберта / Под научным руководством проф. Клауса Хурельмана и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). – Алматы, 2017. – 90 с.// URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/14109.pdf>
17. Жасулан С. Толыев. Регулирование внешних миграционных процессов моло-

дежи в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан). Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020, 5(1). DOI: 2500-3372-2020-5-1-33-43.

18. Молодежь Казахстана. Статистический сборник // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/publication>
19. Какие страны выбирают обладатели стипендии «Болашак»? // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-stranyi-vyibirayut-obladateli-stipendii-bolashak-385131/
20. Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf. С. 19.
21. Там же. С. 17.
22. Там же. С. 20.
23. Там же. С. 18.
24. Основные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года с распределением по странам и регионам // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860/>
25. Более 200 тысяч россиян въехали в Казахстан за три месяца – статистика. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/200-tyisyach-rossiyan-vyehali-kazakhstan-3-mesyatsa-468136/

References

1. Osnovnye pokazateli mezhdunarodnoj migracii na 2020 god. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf S. 1.
2. Vsemirnyj bank (2020). Pandemiya koronavirusnoj infekcii COVID-19: potoki denezhnyh perevodov sokratyatsya na 14% k 2021 godu. Kratkij obzor migracii i razvitiya 33. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2020/10/29/covid-19-remittance-flows-to-shrink-14-by-2021>
3. Osnovnye pokazateli mezhdunarodnoj migracii na 2020 god. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf S. 3
4. Мы – Казахстан. Демографическая статистика. Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam i Respubliki Kazakhstan. <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/7>
5. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 22 iyulya 2011 goda № 477-IV O migracii naseleniya. Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazakhstan «Adilet» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>
6. Sadovskaya E. Kazakhstan v sisteme mezhdunarodnyh trudovyh migracij. Demoskop-Weekly, № 583-584, 27 yanvarya – 9 fevralya 2014 goda.
7. Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir/gl.red. V.A. Ioncev. — . S. 23. <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1767&p=attachment>
8. Komissiya po pravam cheloveka pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. Analiticheskij doklad «Aktual'nye problemy zashchity prav trudyashchihsya-migrantov i zhertv trgovli lyud'mi v Respublike Kazakhstan». Astana, 2017. — 196 s.
9. Vneshnyaya molodezhnaya migraciya v stranah Central'noj Azii: analiz riskov i minimizaciya negativnyh posledstvij. https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf
10. Ledeneva V.YU., Lomakina O.V., Dzhunusov A.M., Begasilov B.T. Obrazovatel'naya politika Kazakhstana v usloviyah migracii molodyozhi. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168
11. Rizoen SH.SH. Vneshnyaya obrazovatel'naya migraciya molodezhi Tadzhikistana kak dvuhurovnevnyj resurs «myagkoj sily». <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-obrazovatel'naya-migratsiya-molodezhi-tadzhikistana-kak-dvuhurovnevnyy-resurs-myagkoy-sily>
12. Zaharova I.V. Sderzhivanie mezhhregional'noj uchebnoj migracii: rol' vuzov. <https://cyberleninka.ru/article/n/sderzhivanie-mezhhregionalnoj-uchebnoj-migratsii-rol-vuzov>
13. Syzdykbekov E.S. Osnovnye faktory i trendy vneshnej trudovoj migracii v respublike Kazakhstan. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-faktory-i-trendy-vneshney>

- trudovoy-migratsii-v-respublike-kazakhstan
14. Mahmutova M. Vnutrennyaya migratsiya molodezhi v Kazahstane: na primere g. Almaty. https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf
 15. Rakisheva Botagoz. Illegal migration of Kazakhstanis to South Korea. Kazakhstan Council on Foreign Relations (KASMO) - Nur-Sultan, 2020. - 60 p. <https://opinions.kz/images/books/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%20%D0%9D%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%8E.pdf>
 16. Rakisheva B. Youth of Central Asia. Comparative review. Representation of the Foundation F.Ebert / Under the scientific guidance of prof. Klaus Hurrelmann and Per Teschendorf (Germany, Berlin). – Almaty, 2017. – 90 p.// URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/14109.pdf>
 17. Zhasulan S. Toleuov. Regulation of external migration processes of youth in the countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan). Bulletin of the KemGU. Series: Political, sociological and economic sciences. 2020, 5(1). DOI: 2500-3372-2020-5-1-33-43.
 18. Molodezh' Kazahstana. Statisticheskij sbornik. <https://stat.gov.kz/official/industry/61/publication>
 19. Kakie strany vybirayut obladateli stipendii «Bolashak»? https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-stranyi-vyibirayut-obladateli-stipendii-bolashak-385131/
 20. Vneshnyaya molodezhnaya migratsiya v stranah Central'noj Azii: analiz riskov i minimizatsiya negativnykh posledstvij . https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf. S. 19.
 21. Ibid. P. 17.
 22. Ibid. P. 20.
 23. Ibid. P. 18.
 24. Osnovnye pokazateli migratsionnoj situatsii v Rossijskoj Federatsii za yanvar'-iyun' 2022 goda s raspredeleniem po stranam i regionam. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migratsionnaya/item/31387860/>
 25. Bolee 200 tysyach rossiyan v"ekhali v Kazahstan za tri mesyaca – statistika. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/200-tyisyach-rossiyan-vyehali-kazahstan-3-mesyatsa-468136/

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЙНОГО КОНТЕНТА «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Диляра Рахматулина¹,
Лаура Исова²,
Алина Самай³

¹ докторант кафедры «Международные отношения и мировая экономика» КазНУ имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, email: dilararahmatulina2@gmail.com

² доцент кафедры «Международные отношения и мировая экономика» КазНУ имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, кандидат исторических наук, email: tanirbergenlaura@gmail.com

³ ассоциированный профессор кафедры «Регионоведение и международные отношения» университета «Туран», Алматы, Республика Казахстан, кандидат политических наук, email: alina_samay@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.04>

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам определения термина «экологическая миграция» и взаимосвязанных понятий как «климатическая миграция», «экологический мигрант» и «климатический беженец». Особое внимание уделяется действующим международным документам, а также работам отечественных и зарубежных исследователей в данной области. Авторами была принята попытка выделить основные этапы формирования исследуемых терминов, а также акцентировать внимание на востребованности разработки единого определения изучаемых понятий на современном этапе с целью упрощения множества миграционных вопросов как внутри страны, так и за ее пределы в связи с экологическими факторами. На основе проведенного анализа в статье заключается, что неразработанная полная общепринятая трактовка анализируемых терминов существенно осложняет процессы передвижения населения ввиду экологических причин, однако на современном этапе среди работ исследователей все чаще встречаются публикации с обзором существующих проблем по данному направ-

лению. Настоящее обстоятельство позволяет говорить о продвижении в вопросе формирования целостного определения.

Ключевые слова: миграция, экология, международные документы, климат

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰЖАТТАРДАҒЫ «ЭКОЛОГИЯЛЫҚ КӨШІ-ҚОН» ҰҒЫМДЫҚ МАЗМҰНЫНЫҢ ТАРИХИ АСПЕКТІСІ

Диляра Рахматулина¹, Лаура Исова², Алина Самай³

¹ Әл-Фараби ат. ҚазҰУ "Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика" кафедрасының докторанты, Алматы, ҚР, email: dilararahmatulina2@gmail.com

² Әл-Фараби ат. ҚазҰУ "Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика" кафедрасының доценті, Алматы, ҚР, тарих ғылымдарының кандидаты, email: tanirbergenlaura@gmail.com

³ «Тұран» университетінің "Аймақтану және халықаралық қатынастар" кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Алматы, Қазақстан Республикасы, саясаттану ғылымдарының кандидаты, email: alina_samay@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала «экологиялық көші-қон» терминінің анықтамасына және оған байланысты «климаттық көші-қон», «экологиялық мигрант» және «климаттық босқын» деген ұғымдарға арналған. Қолданыстағы халықаралық құжаттарға, сондай-ақ осы саладағы отандық және шетелдік зерттеушілердің жұмыстарына ерекше назар аударылады. Авторлар зерттелетін терминдердің қалыптасуының негізгі кезеңдерін анықтауға, сонымен қатар экологиялық факторларға байланысты ел ішінде де, шетелде де көптеген көші-қон мәселелерін жеңілдету үшін қазіргі кезеңде зерттелген тұжырымдамалардың бірыңғай анықтамасын әзірлеудің қажеттілігіне назар аударды. Мақалада жүргізілген талдау негізінде талданатын терминдердің әзірленбеген жалпы қабылданған түсіндірмесі экологиялық қолайсыз себептерге байланысты халықтың көшіп-қону процестерін айтарлықтай қиындатады, алайда қазіргі кезеңде зерттеушілердің еңбектері арасында осы саладағы мәселелерге шолу жасайтын жарияланымдар жиі кездеседі. Бұл жағдай тұтас анықтаманы қалыптастыру мәселесінде белгілі бір ілгерілеу туралы айтуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: көші-қон, экология, халықаралық құжаттар, климат

THE HISTORICAL ASPECT OF THE CONCEPT «ENVIRONMENTAL MIGRATION» IN INTERNATIONAL DOCUMENTS

Dilara Rakhmatulina¹, Laura Isova², Alina Samay³

¹ doctoral student of the Department "International Relations and World Economy" of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: dilararahmatulina2@gmail.com

² associate Professor of the Department "International Relations and World Economy" of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, email: tanirbergenlaura@gmail.com

³ associated Professor of the Department of Regional Studies and International Relations of Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences, email: alina_samay@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the definition of the term "environmental migration" and related concepts such as "climate migration", "environmental migrant" and "climate refugee". Particular attention is paid to current international documents, as well as the work of domestic and foreign researchers in this field. The authors made an attempt to identify the main stages in the formation of the terms under study, as well as to focus on the need to develop a unified definition of the concepts under study at the present stage in order to simplify many migration issues both within the country and abroad due to environmental factors. Based on the analysis, the article concludes that the undeveloped generally accepted interpretation of the analyzed terms significantly complicates the processes of population movement due to environmentally unfavorable reasons, however, at the present stage, among the works of researchers, there are more and more publications with a review of existing problems in this area. This circumstance allows us to speak about a certain progress in the formation of a holistic definition.

Keywords: *migration, adaptation, "South-North" resettlement program of Kazakhstan, youth, who studying on "Serpin" program.*

Введение

Человечество на протяжении всей истории сопровождали бедствия и катастрофы как природного, так и антропогенного характера. В наши дни их количество и частота продолжает увеличиваться, что несет за собой определенные последствия в виде изменения окружающей среды, негативной модификацией климата и смену места обитания живых существ, включая человека.

Одним из результатов изменения климата, как было подчеркнуто в первом оценочном докладе Межправительственной группой экспертов по изменению климата в 1990 г., является миграция [1].

Миграционные процессы представляются одними из самых актуальных тем современных международных отношений и имеющими влияние на многие структуры от повседневной до политической жизни общества. Исследования в данной области характеризуются своей междисциплинарностью затрагивая множество вопросов в сфере международных отношений, регионоведения, международного права, социологии, политологии и экономики. Исходя из того, что окружающая среда может выступать фактором перемещения, наряду с указанными науками следует относить и экологию.

Например, во взаимосвязи обеспечения безопасности и экологии миграция затрагивает такие сферы как:

1. Нелегальная миграция, причиной которой является ухудшение условий окружающей среды и нехватка необходимых ресурсов;
2. Защита мигрантов;
3. Экологическая миграция как форма адаптации к неблагоприятным условиям окружающей среды и последующее управление возникающими климатическими рисками [2].

Особое значение в данном контексте придается терминологии. Немаловажной проблемой является присвоение статуса лицам, вынужденным покинуть свою страну или регион по причине неблагоприятных условий окружающей среды. Ответ на текущий вопрос, прежде всего, кроется в определении таких понятий как «экологическая миграция» и «экологический мигрант», так как принятие единого объяснения могло бы дать толчок для разработки международных документов, в которых «миграция» данного вида будет рассматриваться отдельно и иметь собственные механизмы решения возникающих задач.

Цель данной статьи заключается в анализе термина «экологическая миграция» и взаимосвязанных с ним понятий как «климатическая миграция», «экологический беженец», «экологический мигрант». Изучение формирования и применения данных категорий в международных документах и научной литературе позволит выявить полное представление о данном специфическом виде передвижения.

Методы исследования

В качестве основных методов были использованы – логический, позволивший выявить этапы формирования терминов «климатическая миграция», «экологический беженец», «экологический мигрант»; исторический, с целью исследования определения рассматриваемых понятий в конкретных временных отрезках; сравнительный, который был применен для сопоставления определения исследуемых терминов в международных документах и научной литературе, метод обобщения, для выведения более целостной интерпретации рассматриваемых понятий.

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня в научной литературе применительно к миграционной мобильности нередко употребляются такие термины как «экологическая миграция», «климатическая миграция», «экологический беженец», «экологический мигрант». Однако четкое принятое разъяснение данных понятий все еще не выработано, что существенно осложняет решение множества проблем, возникающих в ходе перемещения. В первую очередь особое внимание стоит уделить процессу формирования и трансформации исследуемых терминов.

Впервые термин «экологический мигрант» в 1948 г. был применен американским экологом У. Вогт [3].

В 1972 г. по результатам Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды была подписана декларация, в которой отражено намерение государств-членов разработать план по решению вопросов деградации окружающей среды и вывести обсуждение экологических проблем на уровень политического сотрудничества. Стоит отметить, что в международном документе особый акцент указывается на права человека на благоприятные условия жизни в окружающей среде, от качества которой зависит уровень жизни [4]. Содержание подобного пункта в декларации указывает на жизненную необходимость благоприятных условий окружающей среды для стабильного функционирования. Однако провозглашение не обладало юридически обязывающим характером и определялось рекомендательным.

В 1976 г. Л. Браун выработал новый термин «экологический беженец» применительно к людям, вынужденным покинуть место проживания под влиянием экологических факторов [3]. Однако применение данного понятия в отношении беженцев, оказавшихся в подобной ситуации и присвоение им такого статуса подверглось большой критике ввиду наличия четкого юридического определения статуса «беженца» в Конвенции о беженцах 1951 г. и международного права о беженцах [5]. Статус «беженца», согласно данному документу, не присваивается лицам, которые покинули место проживания преимущественно по причинам экологического характера, что указывает на необходимость доработки внутренних положений.

В 1985 г. активизации дискуссий по определению термина «экологический беженец» в рамках ООН послужил доклад эксперта Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Эссам Эль-Хиннави, в котором было представлено следующее объяснение термина «экологический беженец» - это «люди, вынужденные покинуть место своего проживания ввиду значительно неблагоприятных изменений в окружающей среде как природного, так и антропогенного характера, имеющие непосредственную угрозу жизни и здоровья». Данное определение применяется в том числе и в отношении «климатических беженцев», однако стоит отметить, что в данном контексте остается не ясным, являются ли экология и климат взаимозаменяемыми или между ними существуют различия [5, с. 3]. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к словарям соответствующей научной области.

Согласно географической энциклопедии под «экологией» подразумевается наука, объектом которой являются отношения живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. Климат, в этой же энциклопедии, определяется как вероятностный режим условий погоды, которым определяется конкретная территория за период в несколько десятилетий [6]. Применение термина «экологический беженец» к тем лицам,

которые мигрировали с постоянного местожительства в пределах одного региона или на территорию другой страны ввиду сильного влияния климатического фактора в данном понимании следует признать спорным, так как климат может выступать в качестве одного из факторов экологии, что делает понятие «климатический беженец» не раскрывающим в полной мере случаи передвижения по причине разнообразных экологических факторов.

В 1992 г. была проведена конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро. Главным результатом стало принятие Декларации устойчивого развития, в которой особое внимание уделяется вопросам обеспечения защиты окружающей среды, в том числе право на получение информации каждым человеком о состоянии окружающей среды [7]. Пункты документа являются продолжением Стокгольмской Декларации [4], но с внесением обновленных сведений в соответствии с реалиями того времени.

Следующим событием, которое подробно рассматривало вопросы «экологической миграции» стала международная конференция по окружающей среде, вынужденной миграции и социальной уязвимости, состоявшаяся с 9 – 11 октября 2008 г., Бонн, Германия, в рамках которой активно обсуждались возможные стратегии, а также механизмы решения возникающих задач в ходе миграции. В частности, в «Пунктах Бонны», в которых были представлены ответы участников конференции на критические вопросы, в одном из разделов указано, что участники не смогли прийти к единому наименованию статуса лиц, мигрирующих ввиду экологического кризиса. Более того, было принято не использовать такой термин как «экологический беженец» и не углубляться в теоретические дебаты в угоду практическим действиям. Однако, в зависимости от того «вынуждены» или «самостоятельно» покидают местожительство данные лица, в рамках конференции выделили три категории мигрантов:

1. лица, оказавшиеся в условиях чрезвычайной экологической ситуации, которые вынуждены мигрировать с целью сохранения собственной жизни;

2. мигранты, покинувшие территорию своего проживания с целью избежать тяжелых последствий экологической деградации;

3. переселенцы, которые могут самостоятельно принять решение о перемещении ввиду деградирующих условий окружающей среды с целью избежания столкновения с негативным исходом [8]. Несмотря на проведенную работу по разработке единого определения вышеуказанных терминов все еще существуют сложности по выведению общей интерпретации, а также придания юридической силы, которые могли бы упростить реализацию миграционной политики, как на международном, так и на государственном уровне в отношении «экологических беженцев». Стоит отметить, что определение исследуемых терминов предложено не только в нормативно-правовых актах, но и в отчетах и докладах международного уровня.

Международная организация по миграции в глоссарии по миграции

дает следующее определение «экологической миграции» — это «вынужденное перемещение одного или нескольких лиц в результате неблагоприятных изменений окружающей среды, имеющих прямое влияние на их образ жизни. Передвижение на другую территорию может иметь временный или постоянный характер, а также может происходить как в пределах одного государства, так и за его пределы» [9, с. 65]. В данном источнике конкретизируется промежуток времени, в течение которого может протекать экологическая миграция, а также указывается трансграничный характер перемещения. Также в глоссарии разграничиваются климатические факторы и экологические причины, которые продемонстрированы в интерпретации термина «климатической миграции», предоставленное в том же глоссарии как «вынужденное перемещение одного или нескольких лиц в результате ухудшения условий окружающей среды, первопричиной которого является регресс климатической обстановки. Передвижение в данном случае также может быть, как временным, так и постоянным и протекать на территории одного государства или за его пределы [10]. К лицам, вынужденным покинуть места проживания по причине неблагоприятных изменений окружающей среды, применим термин «климатический или экологический беженец». Изначально данный термин употреблялся различными исследователями и СМИ, а также среди правозащитных групп с целью привлечения внимания к данной проблеме и стимулированию дальнейшей разработки форм международной защиты для данной категории лиц [9]. Следует подчеркнуть, что объяснение терминов, указанное в глоссарии, не имеет под собой юридической значимости и служит для аналитических и информационно-пропагандистских целей.

В данном контексте «климатическая миграция» выступает одним из видов и составляющих экологической миграции, при котором те или иные изменения в окружающей среде имеют непосредственную взаимосвязь с преобразованиями климата. При данном виде миграции перемещения наблюдается большая уязвимость мигрантов, в особенности в тех случаях, когда миграция оказывается вынужденной. Стоит обратить внимание, что передвижения лиц при данных обстоятельствах может носить в себе и положительное значение — указывающая, таким образом, что происходит адаптация и увеличивается устойчивость сообществ и групп к неблагоприятным изменениям окружающей среды.

Согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата процессы перемещения лиц или группы лиц, мобильность людей является одним из компонентов по управлению различными климатическими рисками, особенно в случаях работ по таким направлениям как ущерб, потери и адаптация [2]. Сторонами конвенции были приняты Канкунские рамки по адаптации, в котором государства призываются к улучшению взаимопонимания, координации и сотрудничества в отношении миграционных процессов, вызванных изменениями окружающей среды на национальном, региональном

и международном уровнях [11].

К числу основных правовых документов различного уровня от национального до международного, которые затрагивают вопрос о «климатических беженцах» следует относить:

На международном уровне:

- Конвенции по правам человека;
- Принципы ООН в отношении внутренне перемещенных лиц;

На региональном уровне:

- Кампальская конвенция (2009 г.);
- Инициатива Нансена (2012 г.);

На национальном уровне:

- Дополнительная защита (Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания);
- Политика содействия экономической миграции (Новая Зеландия, Испания) [5].

Еще одним важным документом является Парижское соглашение 2015 г. - юридически обязательный международный договор по тематике изменения климата [12]. Данное соглашение затрагивает три наиболее важных элемента, касающиеся передвижения лиц или группы лиц во взаимосвязи с изменениями климата.

Во-первых, преамбула соглашения содержит в себе признание того, что изменение климата является общей проблемой всего человечества, а также в данном пункте затронут вопрос и о мигрантах. В частности, речь идет о призыве всех государств следовать своим обязательствам и оказывать поддержку мигрантам, в особенности при решении вопросов, связанных с борьбой с изменениями климата.

Во-вторых, в соглашении часто встречается призывы к защите людей, устойчивости сообществ и подчеркивается особая роль возможности обеспечения средств к существованию. Данный пункт представляет собой особую важность, так как указанные направления уделяют внимание решению таких вытекающих проблем изменения окружающей среды как отсутствие доступа к чистой воде, пище и энергии, а также невозможность обеспечить себе средства к существованию. Все указанные причины являются одними из первых, с которыми сталкиваются люди, которые вынуждены покинуть место проживания.

В-третьих, в соглашении указано обращение к Исполнительному комитету Варшавского международного механизма о создании целевой группы, которая могла бы опираться на полученные результаты и дополняла бы их, а также в случае необходимости привлекала бы существующие органы и группы экспертов в рамках Конвенции, включая Комитет по адаптации и Группу экспертов по наименее развитым странам, а также соответствующие организации и экспертные органы, не входящие в Конвенцию, для разработки рекомендаций в отношении комплексных подходов к предотвращению, минимизации и решению проблемы перемещения, связанного с не-

благоприятными последствиями изменения климата [5].

Также немаловажным является Глобальный пакт безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 10 декабря 2018 г. Данный документ был утвержден на межправительственной конференции ООН в городе Марракеш представителями более 150 государств. Основная цель документа заключается в совершенствовании регулирования миграционных потоков от национального до глобального уровня, поддержке мигрантов и беженцев; повышение уровня индивидуальной безопасности лиц. В данную категорию беженцев и мигрантов входят и те лица, которые были вынуждены покинуть свои дома ввиду экологического регресса неблагоприятного для дальнейшей жизнедеятельности [13]. Особое внимание стоит уделить второй цели, в которой подробно раскрыты факторы, являющиеся основными стимуляторами активизации миграционных процессов; отображены экологические и климатические первопричины перемещения. Государства призываются к проведению совместного анализа, обмену информацией, разработке механизмов для решения возникающих проблем, а также создание подходов к снижению уязвимости данной категории лиц [13]. Однако в правовом акте не встречается таких терминов как «климатический мигрант», «экологический беженец», что указывает на существующие недоработки в определении терминов. Договор не является юридически обязывающим, также не все государства-члены ООН его поддержали.

Исследователи при более подробном изучении миграции в первую очередь выделяют несколько ключевых движущих сил данного процесса, одними из которых являются внутренние факторы, касающиеся страны или региона происхождения. К таким причинам следует относить политическую нестабильность, протекающие конфликты, низкие показатели развития экономики.

Вторая группа факторов относится к принимающим стране или региону, которые характеризуются высоким спросом на рабочие кадры, стабильной политической обстановкой, более высоким уровнем заработка в сравнение с территорией происхождения.

Третья группа затрагивает сам процесс перемещения, который выражен в тех или иных обстоятельствах, облегчающих или наоборот усложняющих данный процесс, например, транспортировка, социальные и семейные сети, политика государства в области миграции и многое другое [14].

Подчеркивается наличие пяти основных причин, имеющих влияние на решение о перемещении людей с той или иной территории на другую: социальные, экономические, демографические, политические и экологические. Протекающие неблагоприятные процессы в окружающей среде имеют не только последующие отрицательные экологические последствия, но также влияют и на все вышеуказанные четыре фактора, таким образом, они являются взаимосвязанными [15].

Именно в XXI веке ввиду экологического кризиса на примере глобаль-

ного потепления, озоновых дыр и прочих неблагоприятных явлений среди всех видов миграции наиболее ярко себя проявляет именно перемещение, под влиянием экологического и климатического фактора, которые могут проявлять себя в виде природных или техногенных катастроф, а также в результате продолжительных неблагоприятных для жизнедеятельности условий окружающей среды [16].

При изучении миграционных процессов по территориальному признаку отмечается, что в большинстве группы лиц перемещаются в рамках своей страны проживания. Другие пересекают границы своей страны с целью поиска помощи и защиты в близлежащих странах или в рамках региона проживания. В зависимости от изменения в окружающей среде динамика перемещения различается по регионам. Таким образом, в Тихоокеанском регионе ключевым фактором для перемещения служит изменение уровня моря, а для Африканского Рога - усиление засухи. Несмотря на то, что некоторые случаи перемещения задокументированы [17], с точностью указать их количество представляется достаточно сложным. Подобная ситуация обстоит и с лицами, которые перемещены в рамках своей страны в результате ухудшения условий окружающей среды, например, деградация земель или прогрессирующего процесса засухи [14].

Таким образом, ученые еще раз подтверждают актуальность и непрекращающиеся процессы «экологической миграции». Также исследователи уделяют особое внимание теоретическим подходам к «экологической миграции» и принимают попытки формирования интерпретации исследуемых терминов.

Р. Навротски в одной из своих работ выделяет два подхода к изучению миграции на основе изменения условий окружающей среды – максималистский и минималистский. Согласно первому подходу, выделение преобразований окружающей среды в качестве основной причины, запускающей процесс миграции, имеет доказательную базу. Согласно второму подходу, окружающая среда не является единственной причиной, а лишь одним из факторов в совокупности с различными другими, которые подталкивают к началу миграции. Второй подход является наиболее часто встречаемым во множестве исследований по взаимосвязи между окружающей средой и миграцией [18].

Также Р. Навротски приводит в качестве примера четыре категории факторов окружающей среды, предложенные Реувени и Муром в 2009 г. В данном контексте все указанные факторы относятся к неблагоприятным процессам окружающей среды. К числу таких факторов причисляют: кумулятивная деградация окружающей среды, которая проявляется в загрязнении воздуха, оскудении и нехватке земли; стихийные бедствия, являющиеся результатом погодных изменений; несчастные случаи на производстве, имеющие угрозу здоровья и жизни проживающего в непосредственной близости населения; различные проекты развития, связанные с ресурсами [18].

С. Мартин выделяет схожие четыре причины изменения окружающей среды, которые могут запустить миграционный процесс – это увеличение площади поверхности земли, подверженной опустыниванию или засухе, повышению количества и силы штормов, увеличение показателей уровня моря, а также усиление конкуренции за небольшое количество имеющихся ресурсов [19].

Отечественные исследователи Исова Л.Т., Губайдуллина М.Ш., Кульбаева А.Т., Идрышева Ж.К. в работе «Экологическая миграция сквозь призму целей ООН в области устойчивого развития» представили результаты анализа данного вида перемещения населения в случае природной катастрофы Аральского моря [20]. Также такие ученые как Рахманова Г.Б. [21], Деловарова Л.Ф. [22], Шаймарданова З.Д. [23], Кожахметова А.Е. [24], Каппасова Г.М. [25] в своих исследованиях затрагивают вопросы о миграционных процессах, протекающих под влиянием экологического фактора.

Д. Булешева под «экологическими мигрантами» предлагает своё следующее определение – это «группа лиц, вынужденных покинуть место проживания ввиду прямой угрозы жизни в результате экологических бедствий или техногенным причинам» [26].

Д. Иванов и Д. Бекашев сходятся во мнении, что на современном этапе единого определения, которое бы в полной мере могло раскрыть данный вид миграции все еще не сформировано [27].

Множество исследователей определяют «климатическую миграцию» как миграцию, которая вызвана изменениями климата; перемещением внутри одной страны по причине изменения климата. Несмотря на разнообразие предполагаемых трактовок оставалась схожей единая цель – акцентировать внимание на изменение окружающей среды как одного из движущих факторов миграции [28].

Заключение

Таким образом, несмотря на все нормативно-правовые акты, которые затрагивают вопросы миграции, существующие на данный момент, всё еще остается открытым вопрос о точном и наиболее полном раскрытом определении таких терминов как «экологическая миграция», «климатическая миграция», а также соотнесение в категорию мигрантов и беженцев лиц, которые были вынуждены покинуть место своего проживания под сильным влиянием экологических и климатических факторов. Однако, все же государства предпринимают попытки для предотвращения возникновения подобных случаев и усилению совместной работы с целью оказания помощи данной категории лиц, как это было подробно продемонстрировано на примере Глобального пакта безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 10 декабря 2018 г. Бесспорно, что исследователи вносят большой вклад в обогащение научного лексикона по исследуемому направлению, что позволит создать официально принятое

юридическое определение, которое запустит разработку соответствующих необходимых международных документов, упрощающих процессы «экологической миграции» и включающие в себя поэтапные рекомендации для государств, которые могли бы быть ассимилированы на национальном уровне.

Список источников

1. Climate Change: The IPCC 1990 and 1992 Assessments. - WMO, UNEP, June, 1992. – 151 p.
2. Доклад о миграции в мире 2020. - Международная организация по миграции, 2020 г. - 550 с.
3. Evtushenko V., Shpakovsky Yu. The main directions of development of the international legal mechanism for regulating environmental migration // SHS Web of Conferences. 2019. 69, 00036. P. 1-5. DOI:10.1051/shsconf/20196900036
4. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, 1972 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declathenv.shtml.
5. Арап J. The concept of «climate refugee». Towards a possible definition. - European Parliamentary Research Service, 2019. – 11 p.
6. Горкин А.П. География. Современная иллюстрированная энциклопедия. - М.: Росмэн, 2006. – 624 с.
7. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
8. Tamer A., Jäger J. Environment, Forced Migration and Social Vulnerability. - Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. – 267 p.
9. Glossary on migration. - International Organization for Migration, 2019. – 233 p.
10. Warsaw International Mechanism Executive Committee (WIM ExCom) Work Plan Action Area 6 on Migration, Displacement and Human Mobility // <https://www.unhcr.org/protection/environment/57459e3d7/warsaw-international-mechanism-executive-committee-wim-excom-work-plan.html>
11. KNOMAD Thematic Working Group on Environmental Change and Migration Environmental Change and Migration: State of the Evidence // https://www.knomad.org/sites/default/files/201705/Environmental%20Change%20and%20Migration%20Literature%20Review_0.pdf
12. Что такое Парижское соглашение? // <https://unfccc.int/ru/peregovornyy-process-i-vstrechi/parizhskoe-soglasenie/chto-takoe-parizhskoe-soglasenie>.
13. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции // https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/195&Lang=R.
14. Environmental Migrants and Global Governance: Facts, Policies and Practices. - International Organization for Migration, 2017. - 14 p.
15. European Commission Science for Environment Policy Thematic issue: Migration in response to environmental change. – European Commission, 2015. - 16 p.
16. Борисов Д.М., Фофанова К.В. К проблеме экологической миграции // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 2-2. С. 273-277.
17. Part one: Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters and Climate Change // The Nansen initiative global consultation. Conference report. – Geneva 12-13 October, 2015. – Vol. 2. – P. 26 -27.
18. Hunter, L.M., Nawrotzki, R.J. Migration and the environment // Handbook of Migration and Population Distribution / Hunter, L.M., Nawrotzki, R.J. - Dordrecht, Netherlands: Springer, 2016. - Ch 21. - P. 465 - 484.
19. Martin S. Environmental change and migration: legal and political frameworks. Environment and Planning C: Government and Policy. 2012. Vol. 30. P. 1045 – 1060.
20. Issova L., Kulbayeva A., Gubaidullina M., Idrysheva Zh., Kaipzhan Zh. Environmental migration through the prism of United Nations sustainable development goals // E3S Web of Conferences. 2020. 159, 01011. P. 1-13. DOI:10.1051/e3s-conf/202015901011.

21. Рахманова Г.Б. Экологические проблемы Центральной Азии как источник региональной нестабильности // Вестник КазНУ. Серия Международные отношения и международное право. №2 (10). С. 26-30
22. Delovarova L.F. Migration and sustainable development: brief analysis of key linkages and gaps // KazNU Bulletin. International relations and international law series. 2014. №3 (67). P. 32-36.
23. Шаймарданова З.Д. Основные теории изучения миграции // Bulletin of Ablai Khan KazUIRandWL series «International relations and regional studies». 2020. № 2 (40). С. 7-12.
24. Кожамметова А.Е. Правовые и экономические аспекты внутренней миграции Республики Казахстан <https://elibrary.ru/item.asp?id=36799359>
25. Каппасова Г.М. Политические предпосылки развития миграционных процессов в Республике Казахстан // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы. 2019. №1 (126). С. 60-69.
26. Булешева Д.Дж. Экологическая миграция: сущность, проблемы и возможные решения. - 9 с.
27. Иванов Д.В., Бекашев Д.К. Экологическая миграция населения: международно-правовые аспекты. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 176 с.
28. Md Masud Parves Rana, Irina N. Ilina Climate change and migration

References:

1. Climate Change: The IPCC 1990 and 1992 Assessments. - WMO, UNEP, June, 1992. - 151 p.
2. World Migration Report 2020. - Mezhdunarodnaya organizatsiya po migratsii, 2020 g. - 550 p.
3. Evtushenko V., Shpakovsky Yu. The main directions of development of the international legal mechanism for regulating environmental migration // SHS Web of Conferences. 2019. 69, 00036. P. 1-5. DOI:10.1051/shsconf/20196900036
4. Deklaratsiya Konferentsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po problemam okruzhayushchei cheloveka sredy, 1972 g. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.
5. Apap J. The concept of «climate refugee». Towards a possible definition. - European Parliamentary Research Service, 2019. - 11 p.
6. Gorkin A.P. Geografiya. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya [Geography. Modern Illustrated Encyclopedia] - M.: Rosmen, 2006. - 624 p.
7. Rio-de-Zhaneirskaya deklaratsiya po okruzhayushchei srede i razvitiyu, 1992 g. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
8. Tamer A., Jäger J. Environment, Forced Migration and Social Vulnerability. - Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. - 267 p.
9. Glossary on migration. - International Organization for Migration, 2019. - 233 p.
10. Warsaw International Mechanism Executive Committee (WIM ExCom) Work Plan Action Area 6 on Migration, Displacement and Human Mobility // <https://www.unhcr.org/protection/environment/57459e3d7/warsaw-international-mechanism-executive-committee-wim-excom-work-plan.html>
11. KNOMAD Thematic Working Group on Environmental Change and Migration Environmental Change and Migration: State of the Evidence // https://www.knomad.org/sites/default/files/201705/Environmental%20Change%20and%20Migration%20Literature%20Review_0.pdf
12. Chto takoe Parizhskoe soglasenie? [What is the Paris Agreement?] // <https://unfccc.int/ru/peregovorny-process-i-vstrechi/parizhskoe-soglasenie/chto-takoe-parizhskoe-soglasenie>.
13. Global'nyi dogovor o bezopasnoi, uporyadochennoi i legal'noi migratsii // https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/195&Lang=R.
14. Environmental Migrants and Global Governance: Facts, Policies and Practices. - International Organization for Migration, 2017. - 14 p.
15. European Commission Science for Environment Policy Thematic issue: Migration in response to environmental change. — European Commission, 2015. - 16 p.
16. Borisov D.M., Fofanova K.V. K probleme ekologicheskoi migratsii [To the problem of environmental migration]. Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal). 2017. T. 8. No 2-2. pp. 273-277.
17. Part one: Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters

and Climate Change. The Nansen initiative global consultation. Conference report. – Geneva 12-13 October, 2015. – Vol. 2. – pp. 26 -27.

18. Hunter, L.M., Nawrotzki, R.J. Migration and the environment. Handbook of Migration and Population Distribution / Hunter, L.M., Nawrotzki, R.J. - Dordrecht, Netherlands: Springer, 2016. - Ch 21. - pp. 465 - 484.
19. Martin S. Environmental change and migration: legal and political frameworks. Environment and Planning C: Government and Policy. 2012. Vol. 30. pp. 1045 – 1060.
20. Issova L., Kulbayeva A., Gubaidullina M., Idrysheva Zh., Kaipzhan Zh. Environmental migration through the prism of United Nations sustainable development goals. E3S Web of Conferences. 2020. 159, 01011. pp. 1-13. DOI:10.1051/e3s-conf/202015901011.
21. Rakhmanova G.B. Ekologicheskie problemy Tsentral'noi Azii kak istochnik regional'noi nestabil'nosti [Environmental Problems of Central Asia as a Source of Regional Instability]. Vestnik KazNU. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo. No 2 (10). pp. 26-30
22. Delovarova L.F. Migration and sustainable development: brief analysis of key linkages and gaps. KazNU Bulletin. International relations and international law series. 2014. No 3 (67). pp. 32-36.
23. Shaimardanova Z.D. Osnovnye teorii izucheniya migratsii [Main theories for the study of migration]. Bulletin of Ablai Khan KazUIRandWL series «International relations and regional studies». 2020. No 2 (40). pp. 7-12.
24. Kozhakhmetova A.E. Pravovye i ekonomicheskie aspekty vnutrennei migratsii Respubliki Kazakhstan [Legal and economic aspects of internal migration of the Republic of Kazakhstan] // <https://elibrary.ru/item.asp?id=36799359>
25. Kappasova G.M. Politicheskie predposylki razvitiya migratsionnykh protsessov v Respublike Kazakhstan [Political prerequisites for the development of migration processes in the Republic of Kazakhstan]. L.N. Gumilev atyndary Euraziya ʔlttyq universitetinin Khabarshysy. 2019. No 1 (126). pp. 60-69.
26. Bulesheva D.J. Ekologicheskaya migratsiya: sushchnost', problemy i vozmozhnye resheniya [Environmental migration: essence, problems and possible solutions]. - 9 p.
27. Ivanov D.V., Bekyashev D.K. Ekologicheskaya migratsiya naseleniya: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Environmental migration of the population: international legal aspects]. - M.: Aspect Press, 2013. — 176 p.
28. Md Masud Parves Rana, Irina N. Ilina Climate change and migration impacts on cities Lessons from Bangladesh. Environmental challenges. No 5. 2021. P. 1 – 9.

STSTI:
06.81.23

TALENT MANAGEMENT: THE DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCIES OF CIVIL SERVANTS IN AKMOLA REGION

Saule Iskendirova¹,
Makpal Shalabayeva²,
Dinara Zhulamanova³

¹ PhD in Economics, Associate Professor. Professor of Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan in Akmola region, Kokshetau, Kazakhstan email: s.iskendirova1968@gmail.com

² Master of Computing. Senior lecturer of Branch of the APA under the President of the Republic of Kazakhstan in Akmola region, Kokshetau, Kazakhstan email: shalabaeva92@gmail.com

³ PhD student, Management, Turan University Almaty, Kazakhstan email: zhakdinara@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.05>

Annotation. Nowadays due to the wide application of information communication technologies in any kind of office work, the development of digital skills is becoming a necessity to stay productive at the workplace. Rising Kazakhstan's digitalization speed led to the need for enhancement of the digital technology proficiency level of government employees. This article describes the current level of digital competencies of Akmola region's civil servants. The data for the analysis is collected from questionnaires in electronic format and is designed in the form of visual graphs. As a result of the analysis, conclusions, and recommendations for improving digital skills training are made. .

Key words: digital competencies; public administration, digital skills, digital technologies, civil servants

ТАЛАНТТАРДЫ БАСҚАРУ: АҚМОЛА ОБЛЫСЫНДА МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРДІҢ ЦИФРЛЫҚ ҚҰЗЫРЕТТЕРІН ДАМУ

Сәуле Искендірова¹, Макпал Шалабаева², Динара Жуламанова³

¹ Экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Ақмола облысындағы филиалының профессоры, Көкшетау, Қазақстан, email: s.iskendirowa1968@gmail.com

² есептеу техникасы магистрі, Ақмола облысындағы Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы МБА филиалының аға оқытушысы, Көкшетау, Қазақстан, email: shalabaewa92@gmail.com

³ PhD докторант, Тұран университеті Алматы, Қазақстан, email: zhakdinara@mail.ru

Андатпа. Қазіргі уақытта кеңсе жұмысының кез-келген түрінде ақпараттық-коммуникациялық технологияларды кеңінен қолдануға байланысты цифрлық дағдыларды дамыту жұмыс орнында өнімділікті сақтау қажеттілігіне айналу-да. Қазақстанда цифрландыру процессі өсіп келе жатқан қарқыны мемлекеттік қызметшілердің цифрлық технологияларды меңгеру деңгейін арттыру қажеттілігіне әкелді. Бұл мақалада Ақмола облысының мемлекеттік қызметшілерінің цифрлық құзыреттерінің ағымдағы деңгейі сипатталған. Талдау үшін деректер сауална-ма арқылы электронды форматта жиналды және визуалды графиктер түрінде ресімделді. Талдау нәтижесінде цифрлық дағдыларды оқытуды жетілдіру бойын-ша қорытындылар мен ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: Цифрлық құзыреттер; мемлекеттік басқару, цифрлық дағдылар, цифрлық технологиялар, мемлекеттік қызметшілер.

УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕН-ЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В АКОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сауле Искендірова¹, Макпал Шалабаева², Динара Жуламанова³

¹ кандидат экономических наук, доцент, профессор филиала Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан в Акмолинской области, Кокшетау, Казахстан, email: s.iskendirowa1968@gmail.com

² магистр вычислительной техники, старший преподаватель филиала АГУ при Президенте Республики Казахстан в Акмолинской области, Кокшетау, Казахстан, email: shalabaewa92@gmail.com

³ PhD докторанты, Университет Туран, Алматы, Казахстан, email: zhakdinara@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в связи с широким применением информаци-онно-коммуникационных технологий в любом виде офисной работы развитие циф-

ровых навыков становится необходимостью для поддержания продуктивности на рабочем месте. Растущие темпы цифровизации Казахстана привели к необходимости повышения уровня владения цифровыми технологиями государственными служащими. В данной статье описывается текущий уровень цифровых компетенций государственных служащих Акмолинской области. Данные для анализа были собраны с помощью анкетирования в электронном формате и оформлены в виде наглядных графиков. В результате проведенного анализа сделаны выводы и рекомендации по совершенствованию обучения цифровым навыкам.

***Түйін сөздер:** Цифровые компетенции; государственное управление, цифровые навыки, цифровые технологии, государственные служащие.*

Introduction

In connection with the digital transformation of the Kazakhstan economy, it becomes necessary for government to develop personnel who directly affect the success of the organization and must have modern digital skills.

Talent management is a systematic approach to the development of human capital. Attracting, retaining, as well as encouraging work, increasing the level of commitment and increasing the level of professional growth through the integration of various activities, including digital skills. This is important for the consolidation of specialists in the field of public administration, for further professional growth of employees.

From 2018 until 2022, the State Program "Digital Kazakhstan" was launched, one of areas of which is the system of public administration. Digital public administration is based on 3 main areas: the relationship between government and government, government and citizens, government, and business. In this regard, it becomes relevant to develop civil servants' digital competencies to make sure that they go along with the progress of the digital world, as well as increase readiness for digital transformation. In general, digitalization is the use of digital resources to transform the work of the organization. The importance of training civil servants in digital literacy lies in the fact that new requirements for the knowledge and skills of employees is necessary for their activities in the digital environment [1].

In this regard, a study was carried out on the courses of advanced training and retraining of civil servants. The purpose of this article is to study the difficulties of mastering digital skills by civil servants and the formation of recommendations for improving training.

In the context of increasing processes of globalization and integration, human capital acts as a tool and the main lever for increasing the competitiveness of the country. For successful competition on the world stage, countries need to train highly qualified personnel who will be able to use their knowledge and skills to develop the country's economy [2]. Therefore, Kazakhstan has developed a system for assessing civil servants to maintain the quality of the country's

existing human resources.

According to the Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs and Anti-Corruption (dated January 16, 2018 No. 13 in accordance with the Law on Civil Service of the Republic of Kazakhstan), the criteria for assessing civil servants included the following competencies [3]:

- Activity management;
- Cooperation;
- Decision-making;
- Efficiency;
- Self-development;
- Integrity;
- Responsibility,
- Initiabiveness,
- Stressresistance,
- Orientation to the consumer of services,
- Informing consumers of services.

From the foregoing, it can be understood that modern trends and digitalization of the economy and society remain unattended. This gap in the legislation necessitated a study to form a model of digital competencies of civil servants, as well as to identify the level of readiness of state bodies to work in a digital environment.

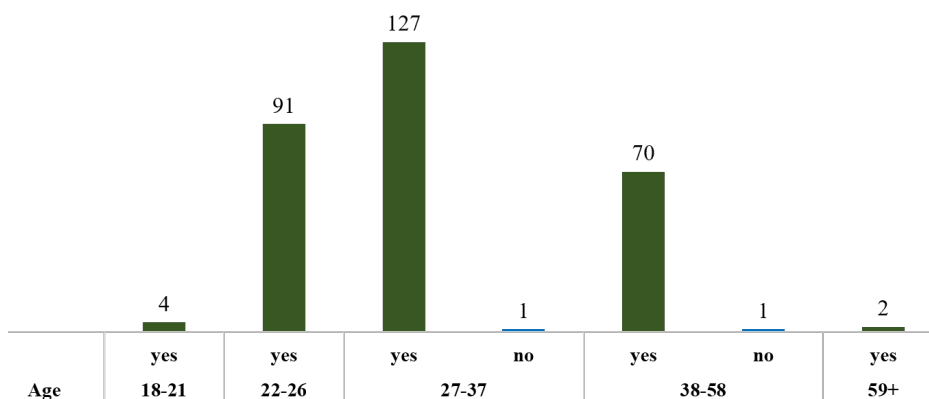
Research results and discussion

The survey and data collection were conducted on the basis of the Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan in Akmola region among trained civil servants from 2020 until 2021. The authors of the article have been teaching specialists in various fields the discipline "Digital Technologies in Public Administration", "Practical Analytics", "Digital Competencies of Civil Servants (Usage skills of MS Word and MS Excel)" in the system of additional education for several years. For this study, a questionnaire based on Google Forms was developed. The method of correlation analysis with the construction of graphs was used to interpret the results obtained.

The questionnaire is probabilistic, as it was formed randomly from a general population consisting of the number of civil servants of Akmola region. According to official statistics, the average number of civil servants in the region is 4687 civil servants, a third of whom are trained annually at the branch of the Academy. At the time of the study, 1651 civil servants were covered by online training. A total of 296 questionnaires were collected, of which 10 questionnaires were not fully completed. With a 90% confidence interval, the sampling error was 3.43%, which is within the acceptable norm. Thus, the collected answers will be enough to study.

One of the questions was about the usefulness of courses of the digital competencies' development. Almost all respondents gave a positive answer. This means that civil servants feel they still have IT knowledge gaps. Even though the questionnaire results show that 99.3% of respondents, which is 294 out of 296, answered that they use various digital gadgets for work (Figure 1). Regarding the variable "age", it can be noted that most of the civil servants (127 out of 296) who use digital gadgets for work are representatives of young people in the age range from 18 to 37 years.

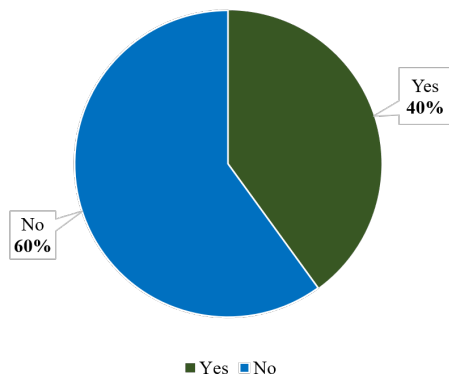
Figure 1. Distribution of answers to the question: “Do you use digital gadgets for work such as: mobile phones, computers, tablets, smart watches, TVs?”

To explore more insights from the survey, open questions have been included as well. So, there were empty cells to fill in the answers to the questions, such as, “What else would you like to learn in the next workshop, in the field of digital skills? Write your suggestions or wishes regarding this discipline.” As for the answers, the majority of respondents answered that they would like to learn more technological skills and competencies that will be useful in their work, how to create creative videos, etc. In their proposals regarding this discipline, many answered that they find such disciplines very useful and would like to learn digital skills in the future.

Since survey was conducted by the teachers, it was noticed during the training that most of the civil servants have relatively low level of office software skills. For instance, many of them are not aware of keyboard shortcuts, some use Microsoft Office products at a very rudimentary level. Moreover, some of the civil servants are never created presentations or build a diagram. As for using cloud services, for creating digital content and working on the document simultaneously by two or more people, it can be seen from the Figure 2 that more than a half of respondents do not use such technology.

Рисунок 1. Distribution of answers to the question: "Have you used Google cloud services, docs and spreadsheets before?"

The increasing use of information and communication technologies (ICTs) and the Internet environment directly in the workplace in any organization, including public services, brings to the increase the demand for new digital skills in three ways.

First, civil servants from any fields need to gain general ICT skills to be able to use them in their daily work (for instance, using the Internet, use office software).

Secondly, government need to grow new generation of IT professionals to ensure the production of ICT products and services.

Thirdly, the development of all kinds of skills in the field of ICT, such as: the use of social networks, mobile applications, cloud technologies, big data analytics, understanding the work of completely new technologies and examples of their application in public services. As a result, we should expect a high degree of variability of in-demand ICT skills, their adaptability to new working conditions and increasing their functionality [1].

Based on the results of the study, it is proposed to amend the list of qualification requirements and competencies for applicants for open governmental vacancies in terms of necessities for awareness of digital skills.

Digital capabilities are part of ICT competencies as supplementary mechanisms in terms of skills and abilities to process digital data, skills in operating with a personal computers, smartphones and typical office software, as well as knowledge of information analytics and information security aspects. It is rational to add to the ability to create content in the digital environment, the ability to manage, edit and delete information, digitally exchange skills, cybersecurity, ethics on the network, etc. [4]

To date, business processes of civil services are mostly automated. Back to main information systems of the civil service include: CDS; IS "External web portal of the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan"[4]; EC GO RK; CES; "Adilet" - Database of regulatory legal acts of the Republic

of Kazakhstan; Architectural portal - "Electronic Government"; IIS "E-kyzmet"; Subsystem "Legal monitoring of regulatory legal acts" of the Corporate Portal of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan [5]. Such a variety of information systems used in government organizations is increasing the list of requirements for ICT knowledge and skills. Additionally, in the forthcoming periods, the infrastructure of municipal service solutions are going to experience changes as a result of the emergence of new technologies and will transform the part of working processes to the digital space. Consequently, civil servants should obtain competencies described below to use them at workplace:

1) Work with Microsoft Office softwares and electronic document management systems at a high level.

2) Capability to work with the programs and systems of state information resources.

3) Understand the process of working of information and analytic systems and be able to collect, process, store and analyze the data.

4) High skills in working with regulatory and legal information systems.

5) Knowledge of the basics of information security in part of the use of personal data, storage, and processing of service information, as well as the use of the Internet for official and personal purposes.

In the system of admission to the civil service, it is necessary to introduce procedures for assessing digital skills for devotees to all positions [3].

Especially in the situation of pandemic the information and communication technologies had a crucial role to play. Social distancing meant that online applications became important in ensuring continuity of private and business services [8].

Thus, it is proposed to expand in the job descriptions the mandatory inclusion of requirements for digital competencies, which will ensure integrated method to the establishment of requirements for applicants for public positions, more effectively shaping the pace of promotion of qualifications for civil servants and those who are in the employee's reserve.

Today in the Branch of Academy of public administration in Akmola region the courses of digital competencies are conducted twice a year. However, that covers only about 40 listeners out of about 4700 civil servants of Akmola region. Moreover, such courses are offered optionally, which means if governmental bodies wishes not to attend the course, the seminar will be cancelled. This leads to the necessity of enhancing the importance of attending such seminars that help to develop digital competencies in civil servants.

Conclusion

Today, it is known that there is a shortage of professional specialists in important economic and social spheres for the Republic of Kazakhstan, including the civil service. Among them, it is necessary to focus attention on the lack of digital knowledge and skills in the field of digital public administration, which

is developing rapidly in the country today. It is through training in advanced training courses and retraining courses that we develop important competencies of civil servants and talents for our society. At present, everyone who wishes to be successful in any organization, must have a high level of digital competence, and this also applies to civil servants [6].

The authors led this study on digital competencies of civil servants and directions of development of their qualifications in the context of the digital revolution for the economy. This article is written using quantitative and qualitative methods of data analysis: a review of scientific literature, web resources, as well as research and data collection.

The way to enhance the digital skills of civil servants is to make mandatory advanced training courses on digital competencies once a year for all civil servants in Akmola region. Since after such courses tutors always receive positive feedback from listeners, it would be beneficial and valuable to gain knowledge in digital competencies. The courses should be divided into categories depending on the level of knowledge of the listeners, for instance, courses for advanced users and elementary level.

The anticipated recommendations will develop the level of civil servants' competencies, offering the civil service with personnel capable of quickly adapting to the conditions of rapid changes in the digital economy in the Republic of Kazakhstan.

References

1. Vasilyeva E.V., Pulyaeva V.N., Yudina V.A., "Development of digital competencies of State civil servants of the Russian Federation," *Information Systems And Technologies In Business*, vol. 4, no. DOI: 10.17323/1998-0663.2018.4.28.42, pp. 28-42, 2018.
2. S.K. Iskenderova, K.K. Dzhaparova, R.S. Dzusupov, "Problems of higher education development in the regions on the example of Akmola region", *News of the national academy of sciences of the Republic of Kazakhstan series of social and human sciences*, no. 329, p. 136 – 142, 2020.
3. Law of the Republic of Kazakhstan No. 416-V dated November 23, 2015, "About the State service of the Republic of Kazakhstan," <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>.
4. Gorskina L. S., Propp O. V., "About the need to train staff in digital skills.", *Organizational and managerial aspects of economic development of enterprises and regions*, pp. 28-34, 2019.
5. "JSC "National Information Technologies"," [Online]. Available: <https://www.nitec.kz/index.php/blog/projects>.
6. Camacho D., Panizo-Lledot A., Bello-Ortiz G., Gonzalez-Pardo A., Cambria E., "The four dimensions of social network analysis: An overview of research methods, applications, and software tools", *Information Fusion* 63, no. doi.org/10.1016/j.inffus.2020.05.009, pp. 88-120, 2020.
7. J. Brown, "An examination of the Skills Framework for the Information Age (SFIA) version 7", *International Journal of Information Management*, no. 51, p. doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.102058, 2020.
8. Savvas P., Jonathan H., David M., "Who led the digital transformation of your company? A reflection of IT related challenges during the pandemic", *International Journal of Information Management*, no. 55, 2020.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОНДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Талгат Касенов

докторант ЕНУ им Л.Н. Гумилева по специальности
«Политология»
e-mail: talgat0801@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-1.06>

Аннотация. На сегодняшний день в мировой финансовой среде накоплен значительный опыт в создании и управлении активами фондов благосостояния (англ. Sovereign wealth fund). Современные национальные/суверенные фонды являются институциональными инвесторами, активные участники финансовых рынков. Более того, национальные/суверенные фонды становятся инструментами развития, выполняют антикризисную и социальные функции.

Ключевые слова: суверенный фонд благосостояния, Национальный фонд, управление активами, доходность фонда, целевой трансферт.

ҰЛТТЫҚ ҚОРЛАР ДАМУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: НЕГІЗГІ ТЕОРИЯЛЫҚ ТӘСІЛДЕР

Талгат Касенов

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ "Саясаттану" мамандығы бойынша докторанты

Аңдатпа. Бүгінгі күні әлемдік қаржылық ортада Ұлттық/әл-ауқат қорының активтерін құру және басқару бойынша айтарлықтай тәжірибе жинақталды. Қазіргі ұлттық/егеменді қорлар - институционалдық инвесторлар, қаржы нарығының белсенді қатысушылары. Оның үстіне ұлттық/егеменді қорлар дағдарысқа қарсы және әлеуметтік функцияларды атқаратын даму құралына айналууда..

Түйін сөздер: ұлттық әл-ауқат қоры, Ұлттық қор, активтерді басқару, қор қайтарымы, нысаналы трансферт.

NATIONAL FUNDS AS A DEVELOPMENT TOOL: MAIN THEORETICAL APPROACHES

Talgat Kasenov

doctoral student of L.N. Gumilyov ENU, specialty "Political Science"

Abstract. To date, the global financial environment has accumulated considerable experience in the creation and management of Sovereign wealth fund assets. Modern national/sovereign funds are institutional investors, active participants in financial markets. Moreover, national/sovereign funds are becoming development instruments, performing anti-crisis and social functions.

Keywords: *sovereign wealth fund, National Fund, asset management, fund return, targeted transfer.*

Введение

В разные периоды развития стран, в особенности в ресурсно богатых странах, создавались финансовые фонды в качестве «подушки безопасности» для прохождения и выхода из кризисных ситуаций, обеспечения финансовой самодостаточности будущих поколений и др. В Казахстане также указом Президента Республики Казахстан от 23 августа 2000 года был создан Национальный фонд.

Дефиниции национального/суверенного фонда: теоретические подходы

Одной из самых дискуссионных вопросов является дефиниция национальных фондов. Обзор научных работ показывает, что в отношении термина «национальный фонд» общего консенсуса как его правильно переводить в научной среде не существует и до сих вызывает бурную дискуссию, хотя это естественное явление в научном мире.

Как показывает анализ определений множества авторов, в настоящее время сам термин имеет множество вариантов: «национальный фонд», «суверенный фонд», «фонд национального благосостояния», «резервный фонд», «стабилизационный фонд», «фонд будущих поколений», «суверенный фонд благосостояния», «фонды развития», «государственный фонд финансовых ресурсов». Более того, также в научной сфере нет четкого и однозначного определения данного термина, тем не менее, есть общие черты и особенности, которые позволят сформулировать определенную классификацию касательно определения и обозначения понятия «национальный фонд/суверенный фонд».

Определения ученых относительно суверенных фондов мы условно разделили на 3 типа, среди которых можно выделить:

1. Статусные определения
2. Структурные (институциональные) определения
3. Функциональные определения

Статусные определения – показывают в какой форме они должны функционировать, т.е. практически все ученые утверждают, что фонды – в собственности государства. В большей степени данного подхода придерживаются международные организации. К примеру, Международный валютной фонд указывают, что суверенный фонд - фонд, который находится в собственности и под контролем государства и инвестиционные стратегии которого включают покупку иностранных активов [1].

По мнению немецкого банка Deutsche Bank, суверенный фонд — это финансовый инструмент, находящийся в собственности государства, которое аккумулирует, управляет и распоряжается общественными средствами, инвестируя в широкий круг активов различного типа [2].

Согласно данным, Института фондов суверенного благосостояния, которые целенаправленно изучают существующие в мире все фонды, дают следующее определение: «Суверенный фонд благосостояния — государственный инвестиционный фонд, состоящий из акций, облигаций, недвижимости и (или) других финансовых инструментов, выраженных в иностранной валюте. Часть средств может быть инвестирована внутри экономики. Инвестирование средств суверенного фонда благосостояния предполагает более высокий уровень доходности по сравнению с государственными резервами и соответственно более высокий уровень риска».

Тем не менее, ряд ученых определяют фонды благосостояния как государственные. Среди них можно выделить определение Б. Браммита и В. Делвина. Они считают, что суверенным фондом может называться любой фонд, который управляет государственными средствами и инвестирует их независимо от источника дохода [3]. Одно из самых кратких определений фонду благосостояния дает Пахомова Е. А., которая указала, что это фонд, контрольным пакетом которого владеет государство.

Итак, основная, неотъемлемая, главная характерная черта национальных фондов – это государственная собственность.

Второй тип определений касательно национальных фондов можно охарактеризовать как **структурные (институциональные) определения**, которые рассматривают фонды как подсистема финансовой структуры и подчеркивают их институциональность. К примеру, К. Балдинг полагает, что суверенный фонд благосостояния — это «капитал, полученный в результате чистого накопления богатства и управляемый государством или окологосударственным органом (государство сохраняет за собой право контроля инвестиционного капитала), который инвестирует в различные активы, стремясь получить отдачу, превышающую безрисковую норму доходности (суверенный фонд таким образом принимает на себя риски, на которые не идут государственные органы в своей обычной деятельности)» [4].

Далее А. Розанова фондом считает то, что не является ни традиционным публичным пенсионным фондом, ни резервными активами, поддерживающими национальную валюту, то и есть суверенный фонд, как совер-

шенно иное образование финансовых активов, отличное от перечисленных. Следующая важная отличительная черта фондов – институционализированность.

Третья типология определений можно обозначить как **функциональные**, которые показывают значение и роль фондов в развитии государства. При этом данного типа определения придерживаются большинство экспертов указывая главную цель и его предназначение (Таблица 1).

Таблица 1. Функциональные определения фондов

Автор	Определения
Бароновской М.Г.	суверенный фонд – это «обособленная совокупность денежных средств, используемая государством для целей содействия реализации основополагающих конституционных прав граждан, реализации социально значимых, наукоемких и экономически эффективных инвестиционных проектов и финансирования бюджетного дефицита [5]
Панова Г. С.	суверенный фонд - институциональный инструмент экономической политики государства, аккумулирующий внебюджетные финансовые ресурсы и (или) материальные активы, и предназначенный для решения приоритетных задач экономического развития, включая обеспечение экономической безопасности и достижение долгосрочных целей развития страны, реализуемых на национальном и международном уровнях [6].
Васин Е.А.	суверенный фонд – созданный центральным (или региональным) правительством, юридически, финансово и организационно обособленный фонд, средства которого формируются за счет сверхплановых доходов бюджета от экспорта не возобновляемых природных ресурсов, несырьевого профицита бюджета, части золотовалютных резервов и (или) иных поступлений, управляется и используется в целях обеспечения стабильности и развития экономики на определенном временном горизонте [7].

Источник: составлено автором

В Казахстане, если опираться на структурные определения, то фонды рассматриваются в большей степени как финансовый институт. Согласно

21 статье Бюджетного кодекса Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года «Национальный фонд Республики Казахстан представляет собой активы государства в виде финансовых активов, сосредоточиваемых на счетах Правительства Республики Казахстан в Национальном Банке Республики Казахстан, полезных ископаемых, передаваемых в счет исполнения налоговых обязательств по уплате налога на добычу полезных ископаемых, рентного налога на экспорт по сырой нефти, газовому конденсату, роялти и доли Республики Казахстан по разделу продукции в натуральной форме или денег от их реализации, в размере, определяемом в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан, а также в виде иного имущества, за исключением нематериальных активов» [8].

Итак, фонды – это государственные/частные структуры, занимающие финансовым управлением активов и доходов, поступающих от полезных ископаемых, а также субсудированием социально-экономических проектов.

Результаты исследований и их обсуждение

В настоящее время согласно данным Института фондов суверенного благосостояния, в мире насчитывается около 100 крупных фондов, общий финансовый капитал которых составил около 10,2 трлн долларов США [9]. При этом большая их численность сосредоточена в Азии (21) и Ближнем Востоке (18 фондов). Около 16 фондов находятся в странах Северной Америки, по 15 фондов имеют страны Европы и Африки, страны Латинской Америки имеют 9 фондов и 6 фондами владеют Австралия и Тихоокеанский регион. Стоит отметить, что в рейтинге топ-100 крупных национальных фондов, Национальный фонд РК занимает 27 место.

При этом следует отметить, что вышеперечисленная статистика не включает такие фонды как пенсионный, отдельные инвестиционные фонды.

Типы национальных/суверенных фондов

Вышеуказанные фонды различаются от **национальных/суверенных фондов** по своему предназначению и многое зависит от поставленных целей и задач, на решение которых они направлены. Таким образом фонды различаются по конкретным параметрам: цели создания, принципы накопления, источники и порядок формирования активов фонда, структура активов, порядок размещения и направления использования, используемая инвестиционная стратегия, уровень доходности, рентабельность активов, сфера вложения средств, форма управления средствами фонда, возобновляемость ресурсов, сфера вложения средств, организационно-правовая форма, принцип интеграции в бюджетную систему.

Проанализировав все существующие типологии относительно национальных/суверенных фондов, Национальному фонду РК присущи характеристики, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Характеристика Национального фонда РК

№	Параметры	Описание Национального фонда
1	По целям создания	стабилизация финансовой системы; решение социальных проблем; инвестиционная деятельность.
2	По принципу наполнения фондов	фонд, отчисления в который зависят от уровня цен сырьевых ресурсов.
3	По источникам и порядку формирования активов фонда	фонд, созданный за счет доходов от экспорта сырья (сырьевого профицита бюджета – сверхплановых доходов от экспорта не возобновляемых природных ресурсов (нефти, газа; минерального сырья и др.); Фонд, созданные за счет других источников (иных поступлений, например, доходов от приватизации республиканской собственности, поступления от продажи земельных участков, сельхоз назначений и т.д.).
4	По структуре активов	денежные средства (в национальной и иностранной валюте); секьюритизированные финансовые активы; драгоценные металлы (золото); прочие.
5	По порядку размещения и направлениям использования	- субсидирование внутренних цен; - осуществление выплат населению (базовые пенсии, пособия, ГОБМП) - финансирование инвестиционных проектов; - финансирование разработки месторождений сырья.
6	По используемой инвестиционной стратегии	смешанная (пассивная и консервативная)
7	По уровню доходности, рентабельности активов	низкорентабельные
8	По сфере вложения средств	смешанная модель (на национальном и международных рынках)
9	По форме управления средствами фонда	управляемые государственными органами
10	По возобновляемости ресурсов	фонды возобновляемых ресурсов
11	По сфере вложения средств	- на национальном рынке; - на международных рынках; - смешанная модель

12	По организационно-правовой форме	фонд, функционирующий без создания самостоятельных юридических лиц (Подобные фонды функционируют в виде отдельных денежных счетов, принадлежащих правительству).
13	По принципу интеграции в бюджетную систему	фонд, входящий в состав бюджетной системы

Функции национальных/суверенных фондов

Функции национальных/суверенных фондов в зависимости от страны могут различаться. Тем не менее, среди вышеуказанной типологии определений фонда именно функциональные определения показывают их главную функцию – способствовать развитию страны, т.е. за счет доходов от природных ресурсов стимулировать различные внутренние отрасли экономики, вкладывать в приоритетные социально-экономические проекты (транспортную инфраструктуру, образование, здравоохранение). Более того, фонды могут выполнять антикризисную и социальную функцию.

Е.А. Васин в своем исследовании выделяет три основные цели создания суверенных фондов [10,17]:

- стабилизационная цель (использование средств фондов в периоды кризисов);
- цель доходного инвестирования (получение более высокого уровня доходности по сравнению с международными резервами за счет использования более широкого спектра финансовых инструментов)
- цель развития (стимулирование внутренних отраслей экономики за счет доходов, поступающих от экспорта не возобновляемых природных ресурсов, формирование источников «длинных денег» в экономике).

По нашему мнению, главной функцией фондов является **функция развития**, т.е. инвестирование средств в развитие приоритетных отраслей экономики. Средства фондов развития инвестируются внутри страны в приоритетные социально-экономические проекты (транспортную инфраструктуру, образование, здравоохранение).

Согласно Концепции управления, государственными финансами Республики Казахстан до 2030 года «реализация стабилизационной функции Национального фонда предполагает и реализацию социально значимых проектов национального масштаба, стратегически важных инфраструктурных проектов» [11].

Национальный фонд функцию развития осуществляет посредством гарантированных и целевых трансфертов. В соответствии с решениями Совета по управлению Национальным фондом в период с 2019 по 2021 годы были выделены средства в виде целевых трансфертов в объеме 2,2 трлн. тенге.

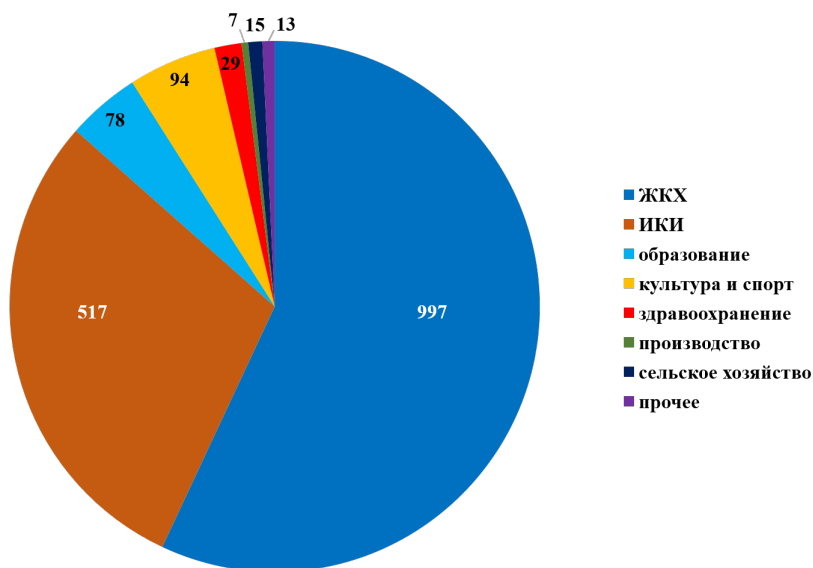
Если посмотреть в разрезе целей и назначений трансфертов, то в 2019

году на социальное обеспечение были выделены - 185,2 млрд. тенге, т.е. 50% из всей суммы (369,2 млрд. тенге), в большей степени для поддержки отдельных категорий граждан. В 2021 году в рамках функции развития из Национального фонда были выделены 1 850 млрд. тенге, что почти 5 раз больше, чем в 2019 году. Для сферы социального обеспечения в 2021 году выделенная сумма привысила 662 млрд. тенге, что почти в 2 раза больше, чем в 2019 году. В большей степени данная сумма предназначена для сферы медицины.

Если в 2019 году часть суммы были выделены для развития сельского хозяйства (23,2 млрд. тенге), то в 2021 году на автомобильные дороги были выделены 130,8 млрд. тенге.

Более того, как показывает анализ достаточно большое финансирование было выделено на реализацию государственных программ, ныне национальные проекты (693,4 млрд. тенге), почти 37% от всей суммы. При этом стоит отметить, что реализация большинства государственных программ охватывает такие сферы, как инфраструктура, занятость, развитие бизнеса и туризма [12]. Более детальная информация показана в рисунке 1.

Рисунок 1. Проекты развития, профинансированные за счет целевого трансферта из Нацфонда в 2021 году

Можно констатировать, что в настоящее время Национальный фонд Казахстана в полной мере выполняет функцию развития, однако есть определенные проблемы, особенно финансовые. В аудиторском заключении по результатам проверки установлено, что при реализации проектов наблюдается нецелевое использование средств. Примерно у 40% отмечено недостижение запланированного социально-экономического

эффекта с общими затратами на реализацию проектов в объеме 78,2 млрд тенге (аудитом было охвачено около 300 млрд тенге).

По нашему мнению, необходимо проводить предварительный анализ потребностей в проектах социального характера и, в первую очередь, усилить контроль за использованием средств.

Антикризисная функция стала особенно актуальна в последние 15-20 лет, начиная с Азиатского кризиса до пандемии COVID-19. Даже фонды, не предусматривавшие ранее расходование средств, осуществляли в период кризиса поддержку национальной экономики. Так, например, в мае 2020 года Ирландский стратегический инвестиционный фонд (ISIF) взял на себя более традиционную роль, выделив 2 миллиарда евро (2,4 миллиарда долларов) в Фонд стабилизации и восстановления после пандемии (PSRF) в рамках правительственных мер по оказанию помощи в связи с пандемией COVID. Государственный нефтяной фонд Азербайджана (SOFAZ) выделил правительству 8,7 миллиарда долларов на финансирование борьбы с COVID-19 [10].

Национальный фонд Казахстана выделил в виде гарантированного трансферта порядка 4,7 триллиона тенге на антикризисные меры в 2020 году. Согласно оценкам Агентства Республики, Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка в 2020 кризисном году вклад трансфертов из Национального фонда в рост экономики составил 4,4%. Авторы отмечают учитывая, что фактическое падение ВВП составило 2,5%, при отсутствии дополнительных притоков в бюджет из Нацфонда, падение могло составить 6,9% [13], т.е. как мы видим Национальный фонда выполняет функцию «подушки безопасности».

Помимо всего, национальные фонды выполняют **социальную функцию**, которая проявляется в том, что правительство решает перераспределять поступления от экспорта природных ресурсов в пользу будущих поколений. Казахстан также до 2024 года будет выполнять данную функцию, начислять 50% инвестиционных доходов Национального фонда в качестве выплаты детям до 18 лет.

Практика поддерживать будущее поколение к совершеннолетию существует во многих странах. В первую пятерку, где очень выгодно родиться, входят страны Северной Европы: Швеция, Финляндия, Норвегия, Дания и Исландия. Казахстан в большей степени применяет кувейтскую систему, т.е. накопительную. Кувейт выделяет 10% от доходов страны в специальный фонд будущих поколений. Он рассчитан на инвестирование в рост и образование населения страны. В то время как, Швеция вместо накопительной модели применяют ежемесячную модель «barnbidraget» – денежное пособие 1 250 шведских крон (53 400 тенге), которое автоматически выплачивается семьям, проживающим в Швеции и имеющим детей в возрасте до 16 лет.

Выводы.

В целом, Национальный фонд РК выполняет антикризисную и функцию развития. Для выполнений вышеуказанных функций необходимо повышать доходность Национального фонда и более эффективно выполнять сберегательную функцию.

Инвестиционный доход Национального фонда РК, как и у многих других государств, по итогам августа текущего года сложился негативным. Активы Нацфонда увеличились за месяц на 1%, но с начала года наблюдается уменьшение на 2,7%.

Отрицательная доходность национальных фондов многих стран, в том числе и развитых, сегодня глобальный тренд. Все крупные мировые индексы демонстрируют высокую волатильность и постепенно падают. Так, к примеру, индекс Британской фондовой биржи FTSE 100 с начала года по 20 сентября снизился на 4,2%, американский фондовый индекс US 500 Cash — на 19,3%, промышленный индекс Dow Jones Industrial Average — на 16,1%, Фондовый индекс Германии DAX — сразу на 20,9% [14].

При этом за последние годы Казахстан больше тратит, нежели копит средства Национального фонда кроме того необходимо обратить внимание на то, как мы управляем Национальным фондом, так как, эффективность чаще всего всегда связано с менеджментом и подходом в управлении.

Список литературы

1. Sovereign Wealth Funds — A Work Agenda. IMF: Washington, 2008. — 38 p.
2. Sovereign Wealth Fund — State Investments on the Rise. — Frankfurt am Main: Deutsche Bank, 2007. — 20 p.
3. Балдинг К. Суверенные фонды благосостояния и новая эра богатства БРИК - Институт исследования быстроразвивающихся рынков СКОЛКОВО. Июль 2010. — 34 с. - С.4.
4. Цит.по:
5. Бароновская М.Г. Суверенные фонды благосостояния: институциональная организация и роль на мировом финансовом рынке / М.Г. Бароновская //Вестник экономической интеграции. — 2010. — 8. — С. 143-148.
6. Даниленко Е.И. Теоретические основы суверенных фондов. Научный электронный журнал "Меридиан". — 2021. - Выпуск №2(55). — С. 240
7. Васин Е.А. Повышение эффективности управления суверенными фондами в Российской Федерации : дис... канд. эк. наук : 08.00.10 / Васин Евгений Александрович. — М., 2015. — 191 с.
8. Бюджетный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года № 95-IV. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K080000095_
9. Sovereign Wealth Fund Institute <https://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>
10. Васин Е.А. Повышение эффективности управления суверенными фондами в Российской Федерации : дис... канд. эк. наук : 08.00.10 / Васин Евгений Александрович. — М., 2015. — С. 17
11. Концепция управления государственными финансами Республики Казахстан до 2030 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001005>
12. Аудиторское заключение по итогам Аудита целевого и эффективного использования целевых трансфертов, выделенных из Национального фонда Республики Казахстан в период с 2019 по 2021 годы <https://www.gov.kz/memleket/>

entities/esep/documents/details/326223?lang=ru

13. Антикризисная роль Национального фонда в экономике Казахстана: эмпирическая оценка https://www.gov.kz/uploads/2021/10/6/87c9f64594e67ab8d39be4a10e1e6581_original.859960.pdf
14. Активы национальных суверенных фондов. 2022 <http://ranking.kz/ru/a/reviews/aktivy-nacionalnyh-suverennyh-fondov-2022>

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЗА 2023 ГОД. ЧАСТЬ I.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при
Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Radjabov Bakhrom. Social Innovations in Post-Soviet Countries. – L., N.Y.: Routledge, 2022. – VII+212 pp.

Данное издание, вышедшее из-под пера Б.Раджабова (Вебстер университет), посвящено эволюции социальных инноваций в современной Центральной Азии (а также в Восточной Европы и Кавказа. То есть, сделана попытка охватить весь постсоветский мир. Автор особо отмечает роль таких международных организаций как Агентство по развитию ООН. Б.Раджабов останавливается на таких государствах как Узбекистан, Армения и Украина, в которых местные правительства целенаправленно, на его взгляд, поддерживали развитие гражданских обществ. Тем не менее, в отношении рассматриваемого периода (2012-2022 гг.) исследователь дает немало критических оценок в адрес режимов всех

центральноазиатских республик (Туркменистан не рассматривается), а также Молдавии и Азербайджана. В книге затрагивается поведение этих правительств при решении проблем Covid-19. Работа ценна тем, что в ней сделана попытка провести комплексный сравнительный анализ особенностей правительств той или иной страны при проведении общественных реформ.

Левистон М. Казахстан в пучине кризисов: от январских волнений до войны в Украине. – Paris: IFRI, 2022. – 42 p. (RNV No 39). (на франц., рус., нем. и англ. яз.).

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) не мог оставить без внимания бурные события января 2022 г. в Казахстане. Это сделал Микаэль Левистоун (научный сотрудник

Центра Россия/СНГ ИФРИ). Автор начинает с того, что отличавшийся внутренней стабильностью с момента провозглашения независимости 16 декабря 1991 года, Казахстан пережил со 2 по 19 января 2022 года крупнейшие в своей истории демонстрации протеста. Этот кризис привёл к двум важнейшим последствиям. Во-первых, произошёл переход верховной государственной власти, связанный с потерей влияния Нурсултана Назарбаева, распорядившегося судьбой Республики Казахстан на протяжении долгого периода, начавшегося ещё до распада Советского Союза. Во-вторых, Россия, при малых затратах, одержала крупную стратегическую победу, осуществив первое в истории развёртывание в реальных условиях сил Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Можно было ожидать, что исход этого кризиса заставит президента Касым-Жомарта Токаева развернуть внешнюю политику своей страны в более благоприятном для Москвы русло, однако война, развязанная Россией в Украине месяц спустя привела к тому, что новый лидер РК продолжил и даже усилил политику многовекторной дипломатии в пользу других основных партнёров Казахстана, а именно Китая, Турции, США и ЕС. Централь-

ноазиатский гигант сталкивается с несколькими серьёзными проблемами, первой из которых, несомненно, является его зависимость от энергетической ренты. Кроме того, в стране развивается новый казахский национализм, стремящийся исключить русскую общину из национального нарратива.

После вступления в должность, Касым-Жомарт Токаев поставил перед собой цель превратить Казахстан в «слышащее государство», для чего были приняты меры по либерализации политической жизни страны. В 2019 году президент учредил Национальный совет общественного доверия – площадку для обсуждения реформ с лидерами политических партий.

Хотя Касым-Жомарт Токаев обладает сейчас полнотой власти в государственном аппарате, он сталкивается со сложной ситуацией, связанной с народным недовольством, вызванным несколькими причинами. Автор заключает, что «Кровавый январь» обнажил давно существовавшие трещины в казахстанском общественном договоре. Возникает вопрос о том, будет ли Россия вмешиваться в дела Казахстана в случае возникновения новых внутренних беспорядков в этой стране.

Cohen Ariel, Hill Wesley Alexander, Witt Daniel. Central Asia: a Source of Energy for the 21 Century. Issue Paper. – Washington: Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, 2022.

Известный американский политолог Ариэль Коэн (Международное агентство по налогам и инвестициям) решил (в соавторстве со своими коллегами Хиллом У.Александром и Даниэлем Виттом) вернуть к теме, которая его занимала в его в прошлом в свое время в небольшом эссе – «Центральная Азия: источник энергии в XXI веке». Имеется в виду его работа «Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. – New York: Global Scholarly Publications» (2007 г.).

Авторы отмечают, что республики Центральной Азии имеют относительно небольшую историю, как независимые государства. Современный вид региона формировался в годы существования Советского Союза и первые годы постсоветской эры. Высокий энергетический потенциал, который формирует роль и место пяти государств ЦА также формировался до развала СССР, но в XXI в. республики начали определять совершенно новые источники энергии, которые не были характерны им — здесь и добыча урана для Узбекистана, и

ветряная и солнечная энергия для Казахстана и Узбекистана, и теплоэнергостанции и добыча газа для Кыргызстана.

В данной работе рассматривается энергетический потенциал Центральноазиатского региона по странам, а также существующая и строящаяся инфраструктура для взаимных поставок того или иного вида энергии. В работе применены методы экономической и исторической наук: метод экономического анализа, метод систематизации, метод исторического анализа и метод сопоставления.

Левистон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью. – Paris: IFRI, 2022. – 36 p. (RNV No 21). (на франц., рус., нем. и англ. яз.).

В рамках исследований Французского Института Международных Отношений (ИФРИ) вышло исследование Микаэла Левистона «Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов». Автор считает, что Серьёзные международные кризисы, как конъюнктурные, так и системные – от восстановления движением Талибан исламского эмирата в Аф-

ганистане и до войны в Украине, а также глобальное потепление — оказывают значительное влияние на эволюцию сети коммуникаций в Центральной Азии в таких отраслях как транспорт, энергетика и водные ресурсы. Сложившийся сложный контекст не только оправдывает, но и стимулирует стремление государств этого не имеющего выхода к морю региона Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) к развитию внешних партнёрств.

Транспортные сети Центральной Азии развиваются в двух направлениях: на запад, где Казахстан и Каспийское море выступают важнейшими звеньями китайско-европейских торговых путей; и на юг, как по морю (развитие портовых сообщений Казахстана и Туркменистана с Азербайджаном и Ираном), так и по суше (создание железнодорожной линии, связывающей Узбекистан, Афганистан и Пакистан). энергетической отрасли Казахстан, главный нефтепровод которого был заблокирован Россией, рассчитывает продолжить поставки своей нефти на европейские рынки через Каспийское море. Туркменистан экспортирует свой газ на рынки Китая и Южной Азии, где его планы, так же как планы Кыргызстана и Таджикистана в области гидроэнергетики, под-

вергаются рискам, вызываемым ситуацией в Афганистане.

Наконец, вопрос водообеспечения выявляет конфликт между взаимозависимыми странами, делящимися на те, которые контролируют водные ресурсы Центральной Азии (Кыргызстан и Таджикистан), и остальные, расположенные в низовьях рек Сырдарья и Амударья (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан). Несмотря на растущее число инициатив по рациональному управлению водными ресурсами региона, этот вопрос продолжает оставаться наиболее острым в Центральной Азии.

Китай не стал ждать, пока война в Украине добавит привлекательности Центральной Азии, чтобы превратить её в зону коммерческого транзита, предназначенного для европейских рынков. Пекин, запустивший в 2013 году проект «Новый шёлковый путь», преследует в Центральной Азии двойную цель. С одной стороны, создание или модернизация местных транспортных сетей. С другой стороны, интеграция региональных инфраструктур в более крупные мультимодальные транспортные коридоры, на базе которых могут быть созданы ОЭЗ. Иран использует своё положение на перекрёстке между Центральной Азией, Кавказом и Персидским заливом, чтобы

занять место России, ослабленной войной в Украине, в качестве межрегионального хаба для стран Центральной Азии.

Двойной геополитический кризис, в котором оказалась Центральная Азия, граничащая с Афганистаном и косвенно затронутая экономическим последствиям войны в Украине, вызывает серьезные изменения в энергетическом ландшафте региона. Основные альтернативные России маршруты экспорта энергоресурсов Центральной Азии – будь то углеводороды или излишки гидроэлектроэнергии – ведут в Турцию и на Кавказ на западе, в Китай на востоке и к южным соседям в Центральной Азии.

Хотя газопроводы Казахстан – Китай и Центральная Азия – Китай уже позиционируют Китай как естественный рынок сбыта для центральноазиатских производителей углеводородов, желание последних увеличить свой экспорт на этот рынок с тем, чтобы обеспечить приток денежных средств во время кризиса, может, однако, столкнуться с серьезными ограничениями. При этом Китай не приемлет давления, оказываемого Москвой на транзит казахстанской нефти.

Автор касается также вопроса водоснабжения. Он отмечает, что касается водоснабжения, то проблема Центральной Азии заклю-

чается не столько в количестве имеющихся ресурсов, сколько в доступе к ним, различающемся от страны к стране. По этому вопросу, вызывавшему напряженность в регионе в период после 1991 года, в настоящее время формируется консенсус, в то время как многочисленные факторы (экстенсивное орошение в засушливых районах, загрязнение окружающей среды, изменение климата) угрожают водной безопасности республик Центральной Азии.

Исследователь заключает, что комплексное исследование коммуникаций в транспортном, энергетическом и водном секторах Центральной Азии выявляет контрастную реальность. В дополнение к неоднородности в освоении территорий и эксплуатации ресурсов после обретения независимости в 1991 году, республики Центральной Азии в целом уже на протяжении долгого времени демонстрируют сильную разобщенность. Уникальный как по своей серьезности, так и по открывающимся возможностям, нынешний контекст, тем не менее, в чём-то является классическим, поскольку – как это часто бывало в истории Центральной Азии – он ставит её в положение ожидания по отношению к иностранным державам. По всей видимости, роль России сдвигается

к периферии геоэкономической реконфигурации региона, в котором ведущие позиции занимают Китай, Иран и двойка, сформированная на Кавказе Турцией и Азербайджаном.

The Drama of Water in a Time of Global Transformation. A Trilateral Dialogue Addressing Innovative Water Diplomacy and Effective Management of Water Resources in the 21st Century. Geneva–Moscow, Geneva Water Hub, University of Geneva, The International Association of Lake Regions (IALR), 2021. - 116 p.

Рецензируемый сборник статей “Водная драма в условиях глобальных трансформаций” представляет собой фундаментальное коллективное исследование Женевского водного центра (Geneva Water Hub), Международной ассоциации озерных регионов и группы независимых экспертов по вопросам современной гидрополитики. Само название этого сборника аналитических статей с участием 42 российских и зарубежных экспертов весьма символично – оно отражает тревожную ситуацию, связанную с неэффективным использованием важнейшего ресурса человечества – пресной воды. Центральной темой рецензируемой публикации является попытка предложить на основе

всестороннего анализа свою концепцию “переустройства водного мира”, основанную на объединяющих началах.

В статье “Водные войны” – дефицит водных ресурсов как причина международных конфликтов» российский эксперт В.Кочетков предлагает разработанную им классификацию водных конфликтов, выделяя основные факторы, угрожающие международным водотокам, а также настаивает на необходимости превентивного, дипломатического подхода к проблеме вооруженных конфликтов, связанных с разделом воды. Однако не везде удастся прийти к взаимоприемлемому решению по водопользованию. В статье профессора Московского государственного университета Д. Малышева “Водная проблема в Центральной Азии и превентивные пути ее решения” отмечается сохраняющаяся напряженность в Центральной Азии между потребностями стран верхнего бассейна в выработке электроэнергии и стран нижнего бассейна в использовании воды из трансграничных водотоков для потребления людьми и ведения сельского хозяйства. Попытки наладить сотрудничество в сфере регулирования водного сотрудничества между двумя верхними (Кыргызстан и

Таджикистан) и тремя нижними прибрежными (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) странами наталкиваются на серьезные трудности.

Весьма напряженно складывается ситуация с водоснабжением крупных городов. сборнике статей “Водная драма в условиях глобальных трансформаций” затронуты многие другие важные проблемы, которые невозможно охватить в краткой рецензии, но их анализ представляет несомненный интерес для всех интересующихся этой проблематикой.

Центральная Азия и украинский кризис. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022. – 56 с.

Положение Центральной Азии в системе внешнеполитических интересов России определяется её геополитикой, особенностями международно-политической организации

и наличием у нас масштабных и многогранных связей с основными государствами региона. От других крупных частей пространства бывшего СССР (Европейская часть, Закавказье) Центральная Азия отличается тем, что там отсутствуют государства, для которых конфликт с Россией мог бы стать центральным эле-

ментом национальной внешней политики.

Однако мы не должны закрывать глаза на многочисленные признаки потенциальной дестабилизации, направленной против как самих государств Центральной Азии, так и их отношений с Россией. Есть тревожные внутренние процессы, связанные с теми сложностями, которые страны региона испытывают на фоне военно-политического кризиса на Украине. Хотя в целом они находятся в более выгодном положении, чем некоторые другие соседи России, поскольку внешнее влияние на их внутреннее развитие и внешнеполитические связи ограничено объективными геополитическими обстоятельствами. С началом украинского кризиса в 2022 году внимание России к событиям, происходящим в столь близком и важном регионе, как Центральная Азия, по понятным причинам несколько ослабло, и это, пожалуй, одно из важных упущений, чреватых последствиями.

После обрушения режима, установленного иностранными интервентами в Афганистане, и восстановления у власти движения «Талибан», на фоне сохраняющейся напряжённости в приграничных отношениях Киргизии и Таджикистана и острого внутривосточного кризиса,

поразившего в первой половине января 2022 года Казахстан, этот регион заслуживал быть в центре спектра российских внешнеполитических приоритетов. Тем более что геополитическое расположение Центральной Азии между ведущими евразийскими державами делает её объектом пристального интереса не только России и Китая, но и их противников на международной арене.

Место государств Центральной Азии в международной политике и мировой экономике является продуктом их внутреннего развития в последние тридцать лет. Эволюция национальных политических систем и состояние экономик разные в каждом конкретном случае. Географическая близость к глобальным центрам силы является определяющим фактором не только для выстраивания отношений с Россией и Китаем, но и для взаимодействия с крупными и средними партнёрами, находящимися на значительном удалении от Евразии.

Внешние партнёры стран Центральной Азии никогда не выступали против их узкого регионального сотрудничества: Россия видела в этом дополнительную возможность внутренней стабилизации непростого направления своей внешней политики, Китай исходил из аналогичных соображений, а страны Запада, наобо-

рот, всегда рассматривали региональную интеграцию как способ подорвать там позиции Москвы и в последующем – Пекина.

Наибольшей устойчивостью к украинскому кризису обладают страны региона с относительно консолидированными политическими системами и высоким уровнем реального суверенитета – Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. Больше всего подвержены рискам страны, имеющие разбалансированные политические режимы и тесно связанные одновременно с Россией и Западом, – Казахстан и Киргизия. В наиболее сложной ситуации после начала СВО оказался Казахстан, только-только переживший январские события 2022 года, когда социальное недовольство повышением цен на газ было использовано политическими элитами при поддержке внерегиональных игроков для изменения внутривнутриполитического баланса сил.

США, не имея в Центральной Азии реальных экономических интересов (за исключением Казахстана, где частные корпорации владеют значительной долей добычи нефти), заинтересованы в использовании региона как инструмента влияния на крупнейших оппонентов – Россию и Китай. Именно поэтому публичная риторика американских предста-

вителей крайне жёсткая. Стратегия Европейского союза декларировала отказ от агрессивного вмешательства в перестройку политических систем региона в пользу поддержки демократизации институтов для обеспечения развития и безопасности.

Китайская Народная Республика – основная мишень противодействия США в регионе – внимательно отслеживает процессы и реагирует на них. Важно отметить, что конкуренции между Россией и КНР в сфере безопасности нет. Россия и ОДКБ являются базовыми гарантами безопасности в регионе, что признаётся КНР. Это хорошо проиллюстрировал январский кризис, когда инструменты реагирования ОДКБ были успешно применены для стабилизации ситуации в Казахстане.

Для Центральной Азии Турция – одна из моделей сравнительно успешного развития. Образ суверенного тюркского государства с традиционными исламскими ценностями, но светским образом жизни в сочетании с успешной внешней политикой стало драйвером роста общественной поддержки турецких проектов и повысило привлекательность интеграционных объединений. Идея объединения тюркских государств получила новый импульс в 1990-е годы.

Экономическая война Запада против России, развёрнутая после начала СВО, отразилась на странах Центральной Азии, их экономических отношениях с внешними партнёрами, а в перспективе может сказаться и на их способности к достижению основных целей развития. С февраля 2022 года страны Центральной Азии испытывают постоянное внешнее давление относительно своей позиции по вопросу украинского кризиса. Несмотря на то, что все страны региона оказались политически и социально-экономически относительно готовы к последствиям столкновения России и Запада, теперь они должны решать задачи взаимодействия со своим главным партнёром, учитывая не только свои внутренние проблемы, накопившиеся за тридцать лет независимости, но и давление внешних держав.

Таким образом, государства Центральной Азии оказались перед целым комплексом новых внешних вызовов: это и давление со стороны Запада, и заискивание со стороны Турции, и погружение в дела центральноазиатов Китая, и, главное, восприятие России и её действий собственным населением и элитами.

Военно-политический кризис вокруг Украины выявил системную проблему – Россия и страны Центральной Азии, опираясь

на капиталоемкость отдельных транспортно-логистических маршрутов, оказались в условиях ограниченного количества рынков сбыта и импорта товаров. Европейские страны также оказались перед необходимостью искать альтернативные транспортные маршруты доставки грузов и сырья. В связи с этим 2022 год стал периодом активного обсуждения новых транспортно-логистических путей в Евразии.

Украинский кризис оказал двойственное воздействие на международное и внутреннее положение государств Центральной Азии. Сдержанная внешнеполитическая позиция и высокая степень ответственности региональных правительств и лидеров региона позволяют важнейшим соседям – России и Китаю – достаточно оптимистично смотреть на будущее Центральной Азии, видеть в этих странах надёжный тыл в период резкого обострения отношений с Западом и общей перестройки международного порядка.

В общеполитическом отношении украинский кризис имеет для государственных систем Центральной Азии двойственные последствия. Во-первых, факт массированного применения силы для решения внешнеполитических задач ставит международную и региональную без-

опасность в новые условия, когда страны должны учитывать российский опыт и соотносить его с собственными перспективами. Во-вторых, страны Центральной Азии также испытывают на себе тот консолидирующий эффект, который военные события на Украине оказали на политические системы их непосредственных участников в лице России и стран Запада и более удалённых государств.

Researching in the Former Soviet Union. Stories from the Field. Edits. by Jasmin Dall'Agnola, Allyson Edwards and Marnie Howlett. – L., N.Y.: Routledge, 2023. – 168 pp.

Коллективный труд Ж.Далл'Агнолы, А.Эдварса и М.Хауллетт «Исследования в Советском Союзе: полевые исследования» посвящен трудностям работы зарубежных экспертов по социологии и этнографии, включающим такие деликатные темы как положение женщин, нарко-трафик, этническая принадлежность, ювенальные обзоры и реакция респондентов на исследование в этих сферах, а также роль сексуальности и материнства. Собственно Центральную Азию книга затрагивает в связи с изучением роли женщин в торговле наркотиками и непосредственную реакцию опрашиваемых на

весь спектр задаваемых вопросов. В общем, строение работы больше похоже на «сборную солянку», где неясно, по какому принципу было сделано сочетание указанных сюжетов.

Примаковские чтения 2021. Современные вызовы мировому порядку. Сборник материалов международного форума. Москва, 8–9 июня 2021 г. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 182 стр.

Данное издание представляет собой сборник выступлений международного сообщества экспертов, которое проходит уже несколько лет. Тема Центральной Азии была частью других (всего 8 блоков) важных процессов в мировой геополитике и геоэкономике.

Центральная Азия занимает в последние годы очень значимое место в политической жизни, в экономических делах. Подтверждением этому является тот факт, что в течение последних лет возникло много форматов, в которые пытаются вовлечь представителей Центральной Азии, государства Центральной Азии. Это и форматы встреч министров иностранных дел «5+1». «5+1» формат уже есть. Это 5+Россия, 5+США, 5+Китай. Такой же формат уже формируется, или уже есть с Южной Кореей, с Японией, поэтому интерес к региону

очень большой и этот интерес обоснованный.

Столетия пребывания, существование, развитие в одном государстве, конечно, наложили отпечаток на менталитет людей, на их привычки. Кроме того, эти столетия связали нас экономически, гуманитарно, в человеческом смысле. Эта географическая близость и историческая общность обязывают нас не конкурировать, а взаимодействовать.

Регионализация, она помогает объединять усилия государств, входящих в ту или иную региональную группировку, для решения актуальных проблем. И подтверждением тому является то, что и на пространстве СНГ, наряду с Содружеством Независимых Государств, возникли еще некоторые группировки интеграционные, которые перешли к более тесному взаимодействию в тех или иных областях. Это ЕврАзЭС, сегодня они ЕАЭС называются. Регионализация – это веяние времени, и оно объективное. Регионализация подразумевает объединение усилий, сотрудничество. Потому что никакая региональная организация не будет действенной, если она будет отходить от принципов укрепления сотрудничества и взаимодействия.

В последние пять лет в регионе Центральной Азии укрепле-

ние регионального сотрудничества, укрепление регионального партнерства В основу региональной стратегии Узбекистана был заложен принцип поиска взаимоприемлемых разумных компромиссов. И, благодаря такому подходу, были решены очень острые вопросы, которые стояли в повестке, например, с Таджикистаном, с Кыргызстаном. Это и вопросы водопользования, это вопросы делимитации, демаркации границ, вопросы энергообмена.

Страны Центральной Азии, как мне кажется сегодня, ощущают потребность в продвижении и защите не только сугубо национальных интересов, но и общерегиональных интересов, решении общерегиональных проблем, которые требуют общей координации, консолидации общих усилий. Начала активно развиваться региональная торговля, повышаться инвестиционная привлекательность, туристическая привлекательность Центральной Азии. Этот тренд на региональное взаимодействие и сотрудничество был поддержан буквально на уровне населения во всех странах Центральной Азии.

Появились абсолютно новые, региональные площадки: Центральноазиатский экономический форум, Центральноазиатский экспертный форум. И даже в период пандемии эти механиз-

мы, которые уже были запущены, доказали свою эффективность и продуктивность, потому что это помогло странам Центральной Азии активно взаимодействовать, оказывать помощь друг другу, решать вопросы логистики, перевозки грузов, возвращения граждан, которые в период пандемии оказались вне дома.

Сегодня также вносятся в повестку новый вопрос укрепления регионального сотрудничества и взаимодействия не только внутри Центральной Азии, но и, скажем, между Центральной Азией и Южной Азией. Мы говорим о тех новых возможностях, которые открываются с точки зрения развития торгово-экономических связей, инвестиционных связей, транспортно-коммуникационных связей, которые очень актуальны для Центрально-Азиатского региона.

В последние годы были сглажены многие острые вопросы в отношениях между государствами региона. Это и границы, прежде всего, и водопользование. Вообще в целом новая политическая, социальная, экономическая реальность, некоторые подвижки на глобальном уровне, так или иначе, диктуют Центрально-Азиатским государствам курс на развитие более официальных и более технологичных двусторонних отношений, и многосторон-

них тоже. Как кажется, это один из важных признаков зрелости государственности.

Есть четко сформулированные национальные представления о том, что нужно тому или иному государству. Прежде всего, надо сказать, что, поскольку ведущие государства региона делают ставку на модернизацию, на активное использование современных технологий научных достижений, на инвестиции в создание собственного человеческого капитала, это объективно увеличивает их зависимость от крупных внешних игроков, которые в принципе могут предоставить им эти возможности и технологии. А разрыв в социально-экономическом и политическом уровнях развития между различными Центрально-Азиатскими государствами становится, естественно, все более очевидным.

Отношения Китая с Центрально-Азиатскими государствами тоже появились новые нюансы и, в частности, все большее место занимает сфера безопасности. И Китай является одним из ведущих экспортеров вооружений и источников военно-технической помощи для стран региона. США тоже присутствуют в регионе, и это присутствие может усилиться после вывода войск из Афганистана, но при этом, я думаю, не меньшую

роль играет американская мягкая сила.

Если перейти на уровень региональный, ближневосточный, в частности, то, конечно, соперничество Ирана и Турции, которое стало более жестким, неизбежно будет переноситься на Центральную Азию, но затрагивать оно будет не только отношения с Центрально-Азиатскими государствами, но и влиять на позиции глобальных игроков. Новым элементом является и заинтересованность государств Центральной Азии в транспортно-логистическом прорыве к новым рынкам, к Южной Азии прежде всего.

Государства Центральной Азии действительно выступают как уже обладающие большим государственным опытом, большим политическим опытом, новые и очень заметные субъекты на международной арене. Сегодня Центральная Азия – это порядка 60 миллионов человек. Это серьезный новый потребительский рынок, который в основной своей массе до сегодняшнего дня еще не до конца раскрыт.

Казахстан проделал уже большую работу, были построены тысячи километров железных дорог, которые соединили границу с Китаем и Российской Федерацией, в направлении портов Каспийского моря. И это значимые маршруты, которые позво-

ляет нам участвовать во взаимодействии крупнейших мировых экономик: Европейского союза и Китая.

Действительно очень большой интерес вызывает работа по строительству торговых маршрутов Узбекистан – Афганистан и к пакистанским портам. Это, вообще, доступ к миллиардным рынкам, и я думаю, что это создаст новые возможности для экономики Узбекистана, но и также для других стран Центральной Азии, а в более широком смысле и для всего Евразийского экономического союза. Второе направление – это огромный потребительский рынок, который возникает в целом в Центральной Азии, в том числе и за счет демографических трендов.

Инициатива «Пояс и путь» – серьезная инициатива, которая позволяет нам, с одной стороны, пользоваться транзитными маршрутами, а с другой стороны, получать доступ на рынок Китая. Это серьезная возможность для экспортоориентированных производств наших стран Центральной Азии. Большие мегатренды, которые происходят в мировой экономике, будут серьезно влиять и на развитие экономик стран Центральной Азии. Это и окончание суперцикла цен на сырьевые товары, в частности, на нефть и газ. Это приход новых техноло-

гий – четвертая индустриальная революция. Это и цифровизация.

Все это создает новые возможности снижать барьеры в торговле между нашими странами.

И здесь Казахстан очень много инвестировал в инфраструктуру. В новые железнодорожные, автомобильные международные маршруты было инвестировано порядка 30 миллиардов долларов за последние 15 лет. Мы создали Международный финансовый центр. Главным императивом стран Центральной Азии, как и любых других стран, является императив поддержания устойчивого экономического роста в долгосрочном периоде.

После 30 лет независимого развития, действительно, мы имеем дело с умудренными опытом зрелыми странами, зрелыми правительствами, зрелыми национальными элитами. И, при этом все страны региона – пятерка – принадлежат к разным экономическим мирам.

Если понимать под вызовом декарбонизацию экономического роста, экономики стран региона оказываются на перепутье. Центральная Азия, как и все постсоветские государства, которые недостаточное внимание длительное время уделяли проблемам декарбонизации экономического роста, выбросов парниковых газов, оказываются в очень слож-

ном положении. Им придется найти золотую середину между задачей поддержания экономического роста и декарбонизацией экономического роста.

Недоучтенным фактором экономического роста, недоучтенным фактором, который мог бы стимулировать интеграционное и кооперационное сотрудничество и в регионе, и региона с внешним миром, является общий и специфический человеческий капитал. Может и должно стать главным направлением, как в стратегиях национального развития, так и интеграционных инициатив в регионе и интеграционных инициатив с участием внешних игроков, что императивно предполагает направление в эту сферу существенно больших финансовых и инвестиционных ресурсов.

Индия рассматривает Центральную Азию как расширенное стратегическое соседство, и это не потому, что есть историческая связь, цивилизационные связи, но и потому, что Центральная Азия – это регион, который имеет прямое стратегическое отношение к региону Южной Азии, в плане безопасности, поставок энергоносителей, между Центральной Азией и Индией может быть налажено сотрудничество по многим направлениям.

Собираются ли великие державы играть большую роль в

Центральной Азии? Ответ очень прост: великие державы уже присутствуют в этом регионе. Я имею в виду, что там присутствует Турция и Иран, а с 2001 года США. Для России это буквально одна из самых важных стратегических областей. Китай развивает там свои связи. И, конечно, такая страна, как Индия, которая имеет великодержавные амбиции, если даже она еще не обладает достаточным потенциалом для этого, то тоже хочет присутствовать в этом регионе.

Абсолютно понятно, что страны Центральной Азии хотят быть частью Китайской инициативы «Пояс и путь» потому, что он действительно приносит им много выгод. Но у Индии нет таких возможностей, как у Китая. Поэтому Индия пытается участвовать или увеличить свое присутствие через другие форматы. Недавно состоялась вторая сессия популярного сейчас формата «5+1», в рамках которого прошла встреча стран Центральной Азии и Индии. Индия также с 2017 года присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества, и все это является основным стимулом для индийского общества и стратегического развития, увеличения своего присутствия в регионе. И, насколько можно понять, это то, о чем неоднократно говорили страны Центральной

Азии, что они хотят, чтобы Индия принимала более непосредственное участие в жизнедеятельности региона.

Вторая причина, по которой Индия заинтересована в Центральной Азии, – это, конечно, Афганистан. Афганистан для всех – это очень болезненный вопрос. И любая нестабильность в Афганистане, безусловно, отражается на южноазиатском субконтиненте. Индия обеспокоена этой ситуацией, так как она является вторым по величине экономическим донором Афганистана, а так же если радикализация снова закрепится в Афганистане, это определенно повлияет на безопасность, особенно в северных штатах Индии. Поэтому интенсивные контакты Индии со странами региона усилятся.

Индия хочет, чтобы страны-соседи Афганистана объединились, чтобы все страны региона объединились и попытались прийти к какому-то стабилизирующему соглашению.

Третья причина, по которой Индия заинтересована в Центральной Азии, – это логистические связи. Дело в том, что «Пояс и путь» – это геополитический проект, а не только геоэкономический. И Индия страшно боится появления нового гегемона в Азии. Поэтому нет никаких сомнений в том, что Индия бу-

дет искать альтернативы этому конкретному проекту. Это также имеет значение, потому что этот проект имеет некоторые линии, которые проходят через Пакистан, через спорные территории в Пакистане, которые Индия считает своей суверенной территорией, и поэтому существует очень четкий вопрос суверенитета, почему Индия выступает против проекта «Путь и пояс».

Индия рассматривает Центральную Азию как своего расширенного соседа, но Индия прекрасно осознает тот факт, что Центральная Азия – это пять разных стран. И Индия, на данном этапе будет делать акцент на двусторонних связях и не будет рассматривать этот регион как единое целое, который имеет одну политику для всех. Индия будет проводить выверенную политику в отношении различных стран.

**Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның
стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан
Республикасы Президентінің Жарлығымен
1993 жылғы 16 маусымда құрылған**

ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ негізгі міндеті – Қазақстан Республикасының ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық аспектілерін аналитикалық қамтамасыз ету.

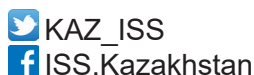
Пенсильвания университетінің «Global Go To Think Tank Index Report» рейтингісі (2018 ж.) бойынша ҚСЗИ әлемнің 8162 талдау орталықтары арасынан 142 орынды иемденіп, рейтингке кірген жалғыз қазақстандық «ақыл-ой орталығы».

Институт өзінің 28 жылдық қызметі барысында халықаралық қатынастар, жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 300-ден астам кітап басып шығарды. ҚСЗИ-да үш журнал басылып шығарылады: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр» және «Central Asia's Affairs». Үш тілде жүргізіліп отыратын сайты, Facebook және Twitter әлеуметтік желілерінде өз парақшасы бар.

ҚСЗИ – жыл сайын әлемдік саясат пен экономиканың өзекті мәселелері бойынша бірқатар ғылыми және практикалық іс-шаралар өткізілетін ерекше халықаралық сарапшылар алаңы. Институттың ғылыми форумдарына Орта Азия мен алыс шетелдердің беделді сарапшылары қатысады.

Мекен-жайы және байланыс телефондары:

Қазақстан Республикасы, 010000,
Астана, Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 28 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвящённых актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Астана, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

